

Как мы встречали губернатора

Вадим Огородов, город Советск, Кировская область

Директор сельской школы Игорь Игоревич Охотин неторопливой походкой человека, решившего к обеду все дела, продвигался с работы в сторону дома. В левой руке Игорь Игоревич держал авоську с небольшими марроканскими апельсинами, правой рукой отгонял от лица мошек. Недавно ему исполнилось сорок два года; ростом он был невысок, лицо имел круглое, волосы темные, из-под ремня выступал необременительный пока животик. Одет Игорь Игоревич был, как всегда: серый пиджак, голубая рубашка, черные брюки и черные ботинки. Весь комплект, за исключением обуви, выглядел, как бы не обидеть директора, слегка заношенным, что ли. Постирать бы его да прогладить, так, чтоб парок загулял над уютгом, но Игорь Игоревич, хотя и считался человеком женатым, последние четыре года жил с супругой Ольгой раздельно, поэтому взяться за его гардероб было некому. Сам же Охотин к своей одежде привык, заношенности ее не чувствовал и работу над внешним видом сводил к тому, что каждое утро, за исключением выходных, чистил ботинки обувной губкой «Двойной блеск».

С правой стороны от Охотина бодрой мужской походкой шагала одетая в светлую пару (жакет и брюки) его двоюродная сестра Ирина Сергеевна Лопатина, заведующая сельской библиотекой. Была она одного возраста с Охотиным, такая же невысокая и плотненькая. В руках Лопатина несла только что купленный на рынке эмалированный таз.

К родственнице Охотин относился неплохо, можно сказать, любил, поскольку четыре года назад, когда Ольга Охотина рванула из семьи в бизнес, именно Лопатина, незамужняя и бездетная, подставила Охотину плечо, взвалив на себя бытовые заботы директора. Однако чувство благодарности не мешало Игорю Игоревичу считать Ирину Сергеевну невозможным в общении человеком, а по части общественно-политических тем просто дурой.

Ему и сейчас хотелось назвать ее именно так, поскольку несла Лопатина, по мнению директора, полную чушь: она восхищалась новым губернатором.

– Ты не понимаешь, Игорь, ты не понимаешь! – развивала Лопатина свои идеи. – Это новый губернатор, абсолютно новый. Одна фамилия чего стоит.

– При чем здесь фамилия? – пожал плечами Охотин.

Лопатина приостановила мужицкий шаг, взглянула с вызовом.

– Что значит при чем? Ты послушай, как звучит – губернатор Резвых. Это не просто так, это символически, только такой губернатор нам и нужен – резвый, чтоб все перепахал. От самого верха до самого низа!

Лопатина перехватила таз и устремила взгляд вперед, куда-то туда, за границы села, где по ее представлению резвый губернатор собирался перепахивать областную жизнь. Взгляд Ирины Сергеевны пылал.

Охотин на это ничего не сказал: ему не хотелось спорить о новом губернаторе, ему хотелось спокойно прийти домой, лечь к телевизору, вздремнуть до пяти и снова отправиться в школу, чтоб написать речь для выпускного вечера, до которого оставался день.

Вообще-то Игорь Игоревич не любил сочинять речей, так не любил, что готов был принять на себя любые обязательства, лишь бы не братья за перо. Но сегодня решил себя перебороть, имелись на то причины. Во-первых, среди нынешних выпускников была дочь Елизавета, серебряная медалистка. Во-вторых, учительница литературы Елена Андреевна Чичерина согласилась ему помочь и пообещала ближе к шести появиться в школе. Охотин рассчитывал, что вечером, когда подобранные Еленой Андреевной слова чудесным образом оживут и начнут складываться в праздничную речь, у него появится возможность

решить сразу две задачи: написать для любимой дочери и ее друзей действительно напутствие, а не какую-нибудь ерунду и оформить свои отношения с Чичериной (наконец-то!) в нечто определенное. Причем вторая задача (Охотин это чувствовал) волновала его куда сильнее.

А Лопатину волновал исключительно новый губернатор и первый месяц его трудов.

– Он приехал из Коми, у него все оттуда: советники, идеи, программы. Все новое, все, – повторяла она возбужденно.

– У Нелюбина тоже были программы и советники, и что изменилось? – вспомнил Охотин прежнюю власть. – Ничего, как бежала в библиотеке крыша, так и бежит, третий таз покупаешь. И еще купишь, не сомневайся.

Лопатина в негодовании остановилась.

– Как можно сравнивать Нелюбина и Резвых?! Нелюбин – прошлый век, пенсионер, его ветром качало. А Николай Иванович – другой: молодой, энергичный. Бородка такая... – Взгляд Ирины Сергеевны влюбленно поплыл, таз на груди замер.

– При чем здесь бородка? – Теперь уже Охотин остановился. – Он бородкой твою крышу закроет?

– Что ты вообще от него хочешь?! – вскипела Ирина Сергеевна.

Так обычно и заканчивались их политперебранки: Лопатина вскипала и начинала шуметь, Охотин замолкал и про себя обзывал Лопатину дурой.

Но сегодня Игорь Игоревич решил до крайностей спор не доводить; как учил в телевизоре Малахов, глубоко вдохнул и выдохнул, апельсины из левой руки перенес в правую и спокойным голосом произнес:

– После смены Нелюбина прошел месяц. За этот месяц Резвых ничего не сделал.

– Сам-то слышишь, чего говоришь? Что он мог сделать за месяц? – устала на него Лопатина.

– Мог, – ответил Охотин. – Он мог поменять кадры, но не поменял, все заместители Нелюбина сидят в своих кабинетах.

Решив, что сказал достаточно, Игорь Игоревич двинулся в сторону дома.

– Ему нужно время, – крикнула в спину Лопатина и, прижимая таз к груди, поспешила за Охотиным. – Он должен понять, что происходит в области.

– Как он это поймет? От заместителей Нелюбина? – полетело в ответ.

– Почему от заместителей? Не от заместителей, – замотала головой Лопатина. – Он сам поедет по районам.

– Кто тебе сказал?

– Никто не сказал, в Интернете написано.

– Ах в Интернете... – затаил было Охотин, питавший к Всемирной паутине скептические чувства, но Лопатина его перебила:

– Именно в Интернете. Надо компьютер осваивать, а не перед телевизором дрыхнуть.

– При чем здесь телевизор?

– При всем. В штаны уже не влазишь...

«Так... Значит, мирно жить не хотим» – нахмурился Охотин.

Он, насколько мог, втянул живот, одновременно решив дать Лопатиной полный отлуп вместе с ее губернатором и Интернетом.

– Что он увидит в этих поездках? – прищурился он на родственницу.

– Правду.

– Какую правду?

– Настоящую правду, какая есть. С дырявыми крышами.

– Чтоб увидеть дырявые крыши, нужно приехать туда, где дырявые крыши. А он поедет туда, куда его повезут. В наше село его не повезут, его повезут к соседям в лицей.
– И Охотин сделал вывод: – Показуха.

– И правильно, что не повезут, – не сдавалась Лопатина. – Что ему у тебя смотреть? Чем ты можешь похвастаться? – Она смерила Охотина уничижительным взглядом.

Игорь Игоревич взгляд выдержал и даже, наоборот, гордо выпятил грудь.

– Не знаю про библиотеки, я не специалист, а школы созданы не для хвастовства. – Грудь еще больше подалась вперед. – В них детей учат.

– Знаем, как учите.

– А как мы их учим?

– Хреново. Три двойки на экзаменах. А в лицее ни одной.

– В лицее лучшие ученики из пяти районов, а у меня – кого Бог послал.

– А компьютеры? Почему у тебя так мало компьютеров? – продолжала прокурорить Лопатина. – Пять машин на всех. Ужас. В Ильичах – девятилетка, детей – половина от твоих, а компьютеров десять штук.

– Их теперь за десять и тягают.

– Вот! Вот! – Ирина Сергеевна уперлась в Охотина сверкающими глазами. – Только бы не трогали, только бы не ругали. Сделал норку и сидишь в ней, как крот. Вся твоя философия в этом.

– Да, моя философия в этом, – все-таки разозлился Охотин. – Сделал норку и буду в ней жить, и буду молиться, чтоб все о ней забыли, чтоб ни на одной карте моей норки не было.

Деревянные тротуары сменились асфальтом: Охотин и Лопатина вступили на Бульвар (название, подаренное центральной улице местным поэтом в момент легкого подпития). До здания библиотеки оставалось метров сто. Разговор можно было бы закончить, но Охотин разошелся (что случалось с ним нечасто).

– Чуда ждем, на губернатора надеемся, – возмутился он, не останавливая движения. – Не будет чуда, не будет губернатора. Моя школа может рассчитывать только на меня, я ее тащу. Насколько хватит сил, настолько и тащу, и лишнего мне не надо. Хватит сил на пять компьютеров – пять и будет, станут шестой навяливать – умру, да не возьму. Потому что не вытащу. В Ильичах десять машин и ни одного специалиста. Ковыряются сами, а толку нет, не работает техника, каждый месяц объяснительные пишут. А у меня пять, и все работают. Но государству это неинтересно, государству подавай количество. Поэтому я государство в свою школу не пушу, мне от его планов – одна смерть. Оно свои планы не для меня пишет, оно для себя их пишет. И не пыхти. – Игорь Игоревич обратно поменял в руках кошелку. – Чем меньше оно обо мне думает, тем лучше. Сами как-нибудь детей выучим, без его проектов. В прошлом году медалистка, и в этом году еще одна, а на будущий год будет золото.

– Думаешь, устроил свои отношения с государством? – насупилась Лопатина.

– Да, я устроил свои отношения с государством.

Лопатина внимательно посмотрела на директора, словно пытаясь разглядеть что-то отдаленное в его судьбе, и, помедлив, негромко произнесла:

– Не выйдет. Придет время, и государство наступит на твою норку, просто так наступит, мимоходом, потому что не обозначена на карте. И ничего не сделаешь, пискнуть не успеешь со своими медалистками.

.....

Деревянное двухэтажное здание библиотеки (бывшая сельская администрация) насчитывало восемнадцать окон: девять на этаж. Золотистая головка с белыми бантами

выглянула из крайнего окна на втором этаже и стала наблюдать за Охотиным и Лопатиной.

Когда Лопатина упомянула медалисток, белые банты колыхнулись и подались вперед.

– Я не хочу, чтоб на меня наступали, – веселым голосом произнесла золотистая головка.

Охотин и Лопатина взглянули наверх: из окна на них с живейшим интересом взирала выпускница и будущая медалистка Елизавета Охотина.

– Подслушивать чужие разговоры нехорошо, – произнес Игорь Игоревич.

– Нехорошо спорить на всю улицу, – ответила дочь и легла грудью на подоконник.

В окне возникли загорелые плечи с полосками сарафана. – Купил апельсины?

Игорь Игоревич кивнул и призывно помаячил авоськой.

– Бегу, – пропела наследница, и белые банты исчезли.

Лопатина поставила таз к забору и достала из кармана целлофановый сверток.

– Вся сумма, – сообщила она, протягивая сверток Охотину.

– Где взяла?

– Какая разница?

– У Никончук?

– У нее.

– Лучше бы не у нее, – замялся Охотин.

– А у кого я найду?

Охотин в нерешительности перевел глаза в конец Бульвара.

– Не возьмешь? Сам будешь водопровод чинить? – сдвинула Лопатина брови.

Охотин продолжал молчать.

– Ну?!

Охотин вздохнул и принял деньги: водопровод он ремонтировать не умел, что, конечно, не делало ему чести. Игорь Игоревич это понимал, поэтому решил смягчить возникшую в разговоре тему.

– Мы с Лизой привыкли, что воды на кухне нет, но Ольга – другое, она живет в городе, – попытался он объяснить ситуацию.

– Я все понимаю, хочешь показать жене, что у тебя все в порядке.

– У меня все в порядке, – покосился Охотин.

– Нам с Лизкой пальцев не хватит перечислить, что у тебя не в порядке. Ты весь в долгах, у тебя разваливается мебель, ты полгода не можешь договориться, чтоб тебе сложили в бане нормальную печь, у тебя полная неопределенность в личной жизни и такая же неопределенность насчет будущего дочери. Но приезжает жена, эта колбаса недорезанная, и ты ремонтируешь водопровод, который не делал две недели, а для этого занимаешь деньги у моей подруги, хотя занимать у подчиненных считаешь ниже своего достоинства. И все для того, чтоб убедить жену, что у тебя все в порядке. Это не показуха? Или тебе можно, а заместителям губернатора нельзя?

– Ты этого не поймешь. Чтобы это понять, надо жить семьей.

От этих слов у Ирины Сергеевны глаза под бровями запрыгали.

– Спасибо, вразумил. – Она схватила таз. – Я-то, глупая, думала, что моя семья – это ты и Лизка. А я для вас семья, только когда прижмет.

Ирина Сергеевна отвернулась в сторону и замолчала: обижаться она не любила, но тут обиделась, поскольку Игорь Игоревич сказал неправду. Ирина Сергеевна была частью семьи Охотиных, даже большей ее частью, чем сам Охотин. И не потому, что в ежедневных трудах ее плечи были крепче, чем плечи директора. После ухода Ольги, когда все устройство семьи Охотиных зашаталось, грозя в одночасье обрушиться, Ирина Сергеевна принесла в нее главное, чего не стало хватать: она принесла любовь. Любовь

была странной, шумной, всегда с перебором и спорами, но это была именно любовь, и ее бескорыстные подвиги умирляли беды и облегчали неприятности. Обида на Ольгу не выжила в ее жаркой атмосфере, она не приросла ни к Игорю Игоревичу, ни к Лизе, позволив обойтись без скандалов и упреков. «Случилось и случилось, придется с этим жить», - согласились отец и дочь, и эта простая истина, которую открыла им все та же неутомимая любовь Ирины Сергеевны, давала надежду на будущее. Потому что большая жизнь ничего не меняет просто так, и если ей не мешать своими обидами, то вашу маленькую жизнь она как-нибудь устроит, даже если в ней пока одни долги, сплошная копоть в бане и проклятая труба, которая никак не хочет пропускать на кухню воду.

А если говорить про Ольгу, то ее главным врагом стала Ирина Сергеевна, которая отнеслась к поступку Охотиной с максимальной категоричностью.

– Идиотка! Колбаса недорезанная! – выдохнула она в гневе четыре года назад, и своих оценок за это время не поменяла, хотя Ольга Охотина, бывший работник культуры, давно торговала не колбасой, а канцтоварами.

Ольга приезжала домой раз в две недели по субботам, привозила разные вкусности, обязательно какую-нибудь обнову дочери, болтала с ней обо всем на свете и в воскресенье вечером убывала обратно. Елизавета передавалась отцу и тетке.

Игорь Игоревич дочь любил, Лопатина ее обожала.

Обожание к племяннице заставило Ирину Сергеевну вспомнить еще одну непростую тему, пока сам предмет обожания не возник на крыльце. Несмотря на обиду, которая тихонько ворчала на дне ее большого сердца, она повернулась к Охотину и сказала:

– Разговоры пошли.

Лицо Охотина переменялось: что это были за разговоры, объяснять ему не требовалось.

– Я все понимаю, тебе нужна женщина, но с Лизкой как? Мать она любит, – пристально глядела Ирина Сергеевна. – Может, вам пока не встречаться? Лизка уедет учиться, чего-нибудь придумаете.

– Чего тут придумаете? Да и не встречаемся мы. Почти... – увел глаза Охотин.

– Мне твоя личная жизнь без разницы, я за Лизку переживаю. Ей сейчас стрессы ни к чему, ей об институте надо думать.

– О чем спорим? – На крыльцо библиотеки, украсив его желтым сарафанчиком, выскочила Елизавета Охотина. Глаза ее блестели.

– О губернаторе, – ответила Лопатина и вернула таз к забору. – Твой отец не признает новую власть, хоть ты тресни.

Игорь Игоревич не расслышал, что сказала Лопатина, он с тайной радостью оглядывал выпускницу: хороша была дочка, ничего не скажешь.

– А мне наш губернатор нравится, – сообщила Лиза.

– И эта туда же... – только и вымолвил Охотин. – Тебе-то какое дело до губернатора?

– Пообщаться хочу. Евгения Петровна сказала, что каждый из нас может задать ему любой вопрос.

– Это как?

– По Интернету.

«Опять Интернет?» - насупил брови директор.

– Есть специальный сайт, называется «Напрямую губернатору». Заходишь и спрашиваешь о чем угодно, – щебетала будущая медалистка.

– Так... – мрачно протянул директор и развернулся к Лопатиной.

– Вот скажи мне, зачем Никончук рассказала им об этом сайте? Это что, прописано в школьной программе?

– И правильно сделала, что рассказала, – заступилась за подругу библиотекарь. – Молодежь должна знать свои возможности.

– Молодежь должна знать свои обязанности. – И они, – показал Лопатин на дочь, – очень скоро это поймут. А Никончук передашь, чтоб сегодня же ключ от кабинета информатики лежал у меня на столе. До сентября никто к компьютерам не сядет.

– Диктатор и ретроград, – выпалила в сердцах Лопатина.

– Хватит ругаться, – вмешалась выпускница. – Гоните апельсины.

Отец протянул авоську.

– Три килограмма, – доложил он. – Откуда банты?

Дочь улыбнулась, в глазах заиграли фонарики.

– Шикарно, да? Мы завтра все с такими будем.

«Красиво...» – задержал Охотин взгляд на бантах.

– Я на речку, – сообщила дочь.

Махнув на прощание ладошкой, выпускница крутанулась на носочках и легкой походкой зашагала по асфальту.

Родственники провожали ее глазами.

– Насчет Чичериной как? Надо решать... – вернулась Лопатина к сердечным делам Охотина.

Игорь Игоревич молчал.

– Самое лучшее – Лизке рассказать, и сегодня же, – гнула свое Лопатина. – Лизка – девка взрослая, поймет.

«Легко сказать – поймет. А если не поймет?» – смотрел вслед дочери Охотин. Он понимал, что отношения с учительницей не замолчать и говорить на эту тему с Лизой придется. Но он был уверен, что в этом деле нужна тщательная (вот именно, тщательная) подготовка, нужна особая ситуация. Над созданием такой ситуации он сейчас и трудился. Предложение Лопатиной «рассказать, и сегодня же» могло все испортить.

Ирина Сергеевна между тем не отступалась.

– Не хочешь сам участвовать, без тебя пусть встретятся.

– Как это без меня? А кто их сведет?

– Я подключусь. Посидим, пообщаемся.

«Тебя только нам не хватало», – буркнул про себя Охотин и вслух отрезал: – Сами все решим, а ты не вмешивайся.

– Делайте, что хотите, – пробормотала библиотекарь. – Лизку только не обижайте... – Она взяла таз. – Вечером не задерживайся, а то парни уйдут. И пироги буду стряпать, остынут.

Услышав про пироги, Охотин почувствовал, как вокруг него запахло замечательной лопатинской стряпней, хотя на самом деле ничем таким не пахло (и правда, какие запахи, когда нет пирогов?). Но Охотин запахи почувствовал, факт остается фактом. Секундная мистификация в окружающем воздухе помогла ему забыть и губернатора, и неопределенность личной жизни. Он представил, как вечером они втроем соберутся на кухне, где будет наконец-то исправлен водопровод, как сядут за стол, чтоб поужинать лучшими на свете пирогами, как Лизка начнет о чем-нибудь щебетать...

«Надо купить бутылочку, – вспомнил Игорь Игоревич парней-коммунальщиков, обещавших заменить на кухне трубу. – Деньги деньгами, а без угощения нельзя».

Игорь Игоревич решил изменить маршрут и дойти до частного магазинчика «Продукты», о котором местный поэт тоже сказал стихами: «Чудесные полки, прекрасные люди, ну дайте бесплатно, у вас не убудет...»

.....

Ирина Сергеевна, подхватив таз под мышку, открыла свободной рукой дверь и вошла в здание, где наткнулась на дважды упомянутую в разговоре Евгению Петровну Никончук. Час назад Евгения Петровна самовольно покинула пришкольный участок и в настоящую минуту выглядывала из туалета, где пряталась на случай появления в библиотеке Охотина. Учительница информатики была высока, худа, тонкие волосы собирала в пучок. Лицо ее было бесстрастным.

– Ушел? – спросила Никончук.

– Ушел, – сообщила Лопатина.

– Думала, попалась, – низким голосом произнесла Никончук и покинула убежище.

Дело в том, что у Охотина, как у всякого начальника, имелись правила, чтоб держать коллектив в узде. Первым правилом был школьный распорядок, который директор составлял лично и на каждый день. К составлению распорядка Охотин относился трепетно, всем сердцем, и нарушение его считал самым страшным школьным преступлением. Так, например, сегодня Евгения Петровна должна была с девяти до двенадцати находиться возле школьных грядок, «организуя летнюю практику школьников среднего звена». Но «школьники среднего звена» полоть грядки не хотели, им хотелось на речку, и Никончук, полагая, что грядки никуда не денутся, отпустила счастливых ребят на час раньше. Соучастником Никончук в «страшно-преступном» действе выступила Елизавета Охотина, которая сначала сообщила учительнице, что в планах отца проверка грядок не значится, а позже, заметив из окна библиотеки его и тетку, подсказала Никончук спрятаться в туалете.

– Железный вариант. Девчонки всегда так делали, когда с физкультуры сбегали, – сообщила будущая медалистка.

– Разумно, – согласилась Никончук и прошествовала в указанном направлении.

В библиотеке (точнее, в читальном зале) они шерстили краеведческий архив, искали подходящие сценарии прошедших в селе праздников: Лизе предстояло сочинить ответное слово выпускников. Сочинять не хотелось, и Лиза еще утром обратилась за помощью к литераторше Чичериной. Та подумала, что сразу две речи (отцу и дочери) за один день для нее многовато, и направила выпускницу в библиотеку.

– Поройся в архиве у тетки, там все праздники за двадцать лет. Найдешь что-нибудь подходящее, переделаешь под себя.

Лиза нашла отца, узнала, что тот собрался идти в сельпо, выпросила апельсинчиков (для Лизы – лучшие фрукты на свете) и устремилась в библиотеку, по дороге заскочив на пришкольный участок и утащив Никончук с собой. Как подруга тетки, Евгения Петровна пользовалась абсолютным доверием ученицы. У Никончук в библиотеке были свои дела: Охотин еще вчера поручил ей найти в книгах умные мысли о школе. Он хотел написать их большими буквами на ватмане и украсить получившимися плакатами школьный спортзал, где из года в год совершалось вручение аттестатов.

Отпустив Лопатину в магазин, они нырнули в ее архив (две тумбочки, набитые папками). Ответное слово было почти готово, когда на Бульваре Лиза увидела отца.

Сейчас Лопатина, передав подруге таз, поднималась на второй этаж в читальный зал, Никончук шла за ней.

– Почему он такой ограниченный? – выпускала Ирина Сергеевна остатки пара. – Сейчас новое время, нельзя стоять на месте, надо везде участвовать. Проекты, гранды, столько возможностей, берись да пиши... Ключ велел отдать от информатики, – вспомнила она и остановилась. – Слышала? Ключ у тебя забирают.

– И что? – невозмутимо ответила Никончук.

– Как что? А если я захочу обратиться к губернатору?

– Дался тебе этот губернатор...

Ирина Сергеевна занервничала: Интернет в селе был подключен только к школьным компьютерам, без них о возможности «обращений напрямую» можно было забыть.

– Как я попаду в кабинет, если ты отдашь ему ключ?

– Никак не попадешь, - ответила Никончук.

– И что делать?

– Договаривайся с директором.

– С ним договоришься, как же. Ретроград.

– Зато ты у нас революционерка, – сказала на это Никончук. – Шагай давай, Ленин в юбке, – подтолкнула она подругу.

– А если сделать второй ключ? Как запасной, – возникла мысль у Лопатиной.

– Зачем?

– Твой ключ отдадим ему, запасной – себе. Когда надо – откроем.

– Не пойдет, – сказала Никончук.

– Почему?

– Обманывать нельзя.

– А жить с такой крышей можно?

Никончук на это ничего не ответила.

– Все равно дойду до губернатора, – проворчала Лопатина. – Три года крышу не могут сделать. Денег нет, денег нет...

– Бесплезно.

– Что значит бесполезно? – задвигала Лопатина бровями.

Лестница кончилась, подруги остановились в начале коридора.

– Бесплезно, – повторила Никончук, возвратила Лопатиной таз и добавила: – Нужны мы ему с нашей крышей. У него таких крыш по области – сотни. Хоть совсем без крыши останься - не приедет. Вопрос не его уровня.

С правдой жизни Ирина Сергеевна спорить не могла.

– Губернатора крышей не заманить, это точно, – она вздохнула. – Мне бы какое-нибудь происшествие, хоть малюсенькое, ух, я бы его раскрутила. Я бы так о нем написала, не позавидуешь, на всю область бы написала!

Никончук двинулась по коридору.

– Думаешь, главное написать? – рассуждала она низким голосом, обращаясь больше к себе, чем к Лопатиной. – Напишешь про крышу, которая бежит, и что? Первый начальник отпишет твое письмо второму, тот - третьему, третий – четвертому, и все придет к тому, у кого денег на твою крышу нет.

– Правильно, потому что Кутепова на эти деньги машину купила, чтоб на совещания ездить, – сердито сказала Лопатина.

– А ей что, на совещания пешком ходить?

– Чего ей делать на совещаниях?

– Думать, как твою крышу отремонтировать.

– Но денег на нее уже нет.

– Нет.

– Чего тогда об этом думать?

– Работа такая.

– Это она называет работой?! – возмутилась Лопатина.

– Хватит митинговать, – будничным голосом ответила Никончук. – Расслабься, пока дождя нет, набегаемся еще с тазами. – И зашла в читальный зал.

– А я не могу расслабиться, когда бардак, у меня внутри все кипит! Вот почему он отдал ваши компьютеры Ильичам? Они же вашей школе были выделены, – вспомнила Ирина Сергеевна директора школы и поспешила за подругой.

– Правильно сделал, что отдал. Они по целевой программе пришли, за них отчитываться надо. А наш директор компьютеры в обход программы получил, и отчитываться за них не надо.

– Зато они на будущий год еще компьютеры получают по этой программе, а вы – шиш.

– И мы получим, Охотин что-нибудь придумает.

– Ничего он не придумает.

– Придумает, – уверенно повторила Никончук. – Денисов поможет. У них с Охотиным особые отношения.

– Нужны мы Денисову, как же... – проворчала Лопатина. – Денисов – карьерист и бабник, ему наши проблемы, как сове – лампочки.

Она отнесла таз в угол, подошла к столу, оглядела папки.

– Чего рылись? – спросила недовольно.

– Речь для Лизы искали.

– Раньше мы сами речи писали, а не шпаргалками пользовались. – Лопатина стала складывать папки в тумбочки. Никончук ей помогала.

– А книги зачем брали? – продолжала ворчать Лопатина.

– Искали умные мысли о школе. Будем спортзал украшать.

– Сам придумал?

Никончук кивнула.

– Решил провести образцово-показательный вечер?

– Наверно...

Здесь подруги подошли к теме, которая в последнюю неделю серьезно беспокоила педагогов, а именно - активность Охотина в подготовке выпускного вечера. Украшение спортзала было только частью грандиозного плана, который, как видимо, собирался осуществить директор. Может быть, в других школах, больших и продвинутых, все это считалось обычным делом и даже вчерашним днем, но подчиненным Охотина, привыкшим смотреть на выпускной вечер, как на заслуженный отдых, планы директора казались вопиющими. Газета для выпускников – это ладно, украшать школьный коридор (цветочки, шарики) – тоже стерпим, но выступление для выпускников, да еще по мотивам Древней Греции? Это зачем?!

– Надо, – особенно не объяснял Игорь Игоревич и удалялся начальственными шагами.

Оставшись одни, учителя нервничали и гадали, с чего им такое счастье? То ли потому, что среди выпускников была дочка директора, то ли потому, что сам директор кому-то очень хотел понравиться. Кому понравиться – об этом учителя вслух не говорили, только смотрели друг на друга с тайным пониманием, как заговорщики.

Никончук в числе заговорщиков не состояла. Потому, когда Лопатина спросила, что говорят в школе об Охотине и Чичериной, только пожала плечами.

– Не знаю. А что должны говорить?

– Мало ли...

Лопатина держала в руках раскрытую папку.

– Поллюбопытствуй. – Она достала из папки фотографию и протянула ее подруге. – Выпускники. Снимку семнадцать лет. Узнаешь красавицу? Лена Чичерина, комсомольский секретарь. А в центре классный руководитель Игорь Игоревич Охотин, второй год работы. Тоже ничего, да? Фотографию сделали на Последнем звонке, фотографии с выпускного вечера нет.

– Почему?

– Потому что выпускной был сорван. И закрутила все Чичерина.

Лопатина уселась на одну из тумбочек и начала рассказывать:

– В то время из выпускников стали создавать молодежные отряды для работы на фермах. Хочешь не хочешь - давай, партия сказала: «Надо!». Решили у нас отряд создать. Общежитие сделали для желающих, машину дали, чтоб на работу возить. Сауну обещали построить, прямо на ферме. Не жизнь, а рай.

– И что?

– Ничего, – невесело усмехнулась Лопатина, – не получился рай. Не построился. Лена Чичерина отказалась работать в отряде, заявила, что поедет поступать в педагогический институт. Тогда у нас все или учителями хотели быть, или медиками. – Лопатина приняла от Никончук фотографию. – Чичерина сказала, что терять год не будет. Вслед за ней то же самое повторили все девчонки в классе. И началось... – Ирина Сергеевна приблизила фотографию к глазам, всмотрелась, как будто даже с грустью, словно сожалела о чем-то. Потом аккуратно вложила фотографию в папку. – А занималась этим Кутепова...

– Которая машину купила?

– Та самая, Василиса Ильинична. Тогда она работала в райкоме партии. Неделю к нам ездила. И пугала их, и уговаривала, чего только не обещала, лишь бы записались в отряд.

– Кутеповой-то это зачем?

– Как зачем? А лозунг?

– Какой?

– Каждой школе – отряд животноводов. Это же Кутепова придумала. Как она могла смириться, чтоб целый класс был против ее лозунга? И главное, кто зачинщик? Комсомольский секретарь. Нет, – покачала головой Лопатина, – уступить она не могла. Перед выпускным велела собрать в школе комсомольское собрание. К тому времени многие на попятную пошли, а Ленка и еще пятеро ее подруг – ни в какую. Не будем записываться в отряд, и все. Тогда решением собрания тем пятерым – строгий выговор, а Ленку как организатора – долой из комсомола. Чтоб на всю жизнь черная отметина. Про институт пришлось забыть, пошла в училище, вышла замуж, потом развелась, училище бросила, в общем, покатила жизнь через пень-колоду... А Игорь через полгода женился на Ольге, подсутилась, колбаса недорезанная. Хотя могли быть вместе.

– Кто?

– Лена с Игорем.

– ?

– Они же дружили.

– Учитель с ученицей? И никто ничего?

– Они тихонько дружили. По-скромному. А чтоб он на собрании не стал ее защищать, Кутепова отправила его на курсы. – Лопатина встала. – Не согласись он тогда на эти курсы, все бы могло пойти по-другому.

Никончук не изменилась в лице.

– Все идет, как должно идти, – сказала бесстрастно. – Если что-то не происходит, значит, не время. Надо ждать.

Лопатина тут же хотела ответить, что ждать можно вечность, но не успела: с улицы в библиотеку ворвался истошный крик Охотина:

– Кто? Кто?!

И тут же в здании библиотеки затопали знакомые читателю ботинки, начищенные с утра обувной губкой «Двойной блеск».

.....

Молодой и симпатичный начальник районного управления образования Юрий Викторович Денисов спускался по центральной лестнице здания райадминистрации с третьего этажа на первый, где находился его кабинет. Юрий Викторович был очень доволен. Только что на третьем этаже в кабинете Кутеповой он и Василиса Ильинична «сбрызнули» новую машину зам. главы по социальным вопросам. А прежняя «Волга» Кутеповой досталась ему, Денисову. Досталась вне очереди, в обход всех: и отдела культуры, и коммунальщиков, и поселковой администрации, хотя те-то как раз на эту «Волгу» больше всех и рассчитывали.

«Рассчитывать рассчитывали, а получил я», – весело думал Денисов, открывая дверь в кабинет.

Новый секретарь Денисова Женя Светлакова была отпущена им на рынок. Вчера он отпустил ее в парикмахерскую, позавчера – в магазин. В бухгалтерии по этому поводу ворчали. Денисов на ворчание не реагировал, он аккуратно обхаживал девушку третью неделю, не отказывая в просьбах. Светлакова была ужасно симпатичной, таких девушек он старался не пропускать.

В кабинете Юрий Викторович расположился в новом кресле и стал думать о завтрашнем дне. Мысли были легки и приятны. Он представлял, как завтра в новой машине (новой для управления образования, сама Кутепова ездила на «Волге» четыре года) он прокатится по школам района, как увидит удивленные физиономии директоров, которые два года назад открыто сомневались, сможет ли он, бывший директор спортивной школы, командовать районным образованием. А он смог, не подвел Кутепову, и за это «смог» Василиса Ильинична помогла ему с машиной. И дальше будет помогать, думал Денисов, Кутепова своих не бросает, хоть и строга, говорить нечего.

«С нами по-другому нельзя», – покачивался Денисов в кресле и прикидывал в голове завтрашний маршрут. Отправиться в школы была его идея, и возникла она, когда Кутепова сообщила о визите губернатора.

– Завтра едет в нашу сторону. У соседей собирают областное совещание, приглашают глав. Наши оба поедут, меня оставляют на районе. – Василиса Ильинична поправила на груди брошь. – Будешь помогать.

– Может, в школы съездить?

– Зачем?

– На всякий случай. Встречусь с директорами, проблемы проговорю. Подготовлю, что отвечать, если губернатор появится.

– Типун тебе на язык, какой губернатор? – погрозила Кутепова пальцем. – У него свой маршрут.

– И что? Он же у нас из демократов. Эти утвержденными маршрутами не пользуются. Возьмет и завернет по дороге в школу с учителями пообщаться. А мы с вами – молодцы, уже подстраховались.

– Да?.. – Кутепова снова поправила брошь. – А я решила, машиной будешь хвастаться.

– Вы что, Василиса Ильинична, как можно? – сделал Денисов круглые глаза.

– Ладно, езжай, – разрешила Кутепова. – И в детских садах побывай, у этих вечно то геморрой, то скарлатина.

Денисов с готовностью кивнул и добавил:

– А вечером я к Охотину съезжу.

– Тоже проблемы?

– Нет, там все в порядке. Я на выпускной, обещал медаль дочери вручить.

– Серебро?

Денисов кивнул.

– Молодец девчонка.

– Так и должно быть, дочь директора. Съезди, если обещал. – Василиса Ильинична тяжело поднялась. Денисов встал следом.

– Спасибо за машину, Василиса Ильинична.

– Отработать должен. Старайся.

– Конечно...

На том и расстались. Теперь Юрий Викторович покачивался в кресле и думал о завтрашнем дне. И еще он думал о Жене Светлаковой, которая должна была появиться в кабинете и которая, скорей всего, не согласится. И о том, что завтра у Охотина он встретит Лену Чичерину...

Охотин, приближаясь к магазинчику «Продукты», тоже думал о Чичериной и о завтрашнем дне, и мысли его, как у Денисова, тоже были легки и приятны. За спиной остывал учебный год. Год выдался непростой, но без выкрутасов: ни травматизма, ни правонарушений, выдержали две проверки, увернулись в одной. В мае приехал совсем уже непонятный «Котлонадзор». Но отбились и от него. Сопровождал проверяющего Денисов, он и помог. После проверки Игорь Игоревич предложил начальнику РУО поужинать.

Они купили водочки, сообразили закуску, ушли в сад к Охотину и там за свежеевыкрашенным столом разговорились. До этого Игорь Игоревич сторонился Денисова, но оказалось, что Юрий Викторович нормальный мужик и к подчиненным относится по-человечески. А то, что делает карьеру, так что из этого? Охотин и сам по молодости планы строил. К тому же Денисова тоже бросила жена, правда, случилось это давно, когда он служил в армии (хватило ума жениться в семнадцать лет), но все равно получалось, как ни крути, товарищ по несчастью.

– Теперь буду гулять, пока не надоест, – раскрыл планы Денисов.

К тому времени они порядком захмелели. В ответ на откровения Денисова Охотин вспомнил свою семейную историю, как разбежались с Ольгой.

Все случилось неожиданно. В один из июньских дней она пришла к нему в кабинет (Игорь Игоревич верстал очередной отчет), закрыла за собой дверь, села за стол и сказала по-простому, особенно ничего не придумывая:

– Ухожу я, Охотин.

– Куда? – оторвался от бумаг Игорь Игоревич.

– От тебя ухожу, – ответила Ольга. – У меня с тобой вся жизнь в ожидании чуда пройдет. Ты же, как ребенок, только на него и надеешься, сам ничего сделать не можешь. А я пожить хочу.

Пока Охотин переваривал услышанную новость, Ольга продолжала говорить:

– Разводиться не станем, так удобней, с деньгами договоримся. Из села уеду, Лизке объясню... А может, ты обижаешься на меня? – Ольга подперла щеку рукой. – Не обижайся, Охотин, устала я от нашей жизни, одни проблемы. Может, поодиночке лучше пойдет, как думаешь?

Что он мог ответить? Только пожал плечами. На том и расстались. Ольга устроилась в соседнем районе, стала торговать колбасой, потом перебралась в мир канцтоваров. А Игорь Игоревич запил. Окружающие решили: дело понятное, у человека – несчастье, попьет и отступится. Однако неделя прошла, вторая – Охотин не унимался.

Первой не вытерпела Лопатина: пришла к Охотиным, выгнала Лизку на улицу, нашла Игоря Игоревича на кухне (директор пристраивался к первой за утро рюмочке) и, насколько было женской силы, вдарила кулаком по столу. Игорь Игоревич вздрогнул всем телом и вернул рюмку на стол.

– Ты чего устраиваешь? – загремела Лопатина. – Ушла от тебя колбаса недорезанная, и что? Жизнь кончилась? У тебя еще дочь имеется, или забыл? Так я тебе напомню. Вон она, Лизка, под окном стоит, у нее вся жизнь впереди, думаешь, ей приятно

с таких лет на твою пьяную харю пялиться?! (Именно так и сказала: «Харю!») Стыд какой, директор школы, и так распустился. Где твое мужское самолюбие? Слюняй...

Много чего горячего еще вылила Ирина Сергеевна. Охотин краснел и вытирал лоб. Лопатину он не перебивал.

К вечеру из дома были вынесены все бутылки, через два дня на кухне исчезли кислые запахи, а первого сентября Игорь Игоревич, как обычно, стоял на школьной линейке. А через три года в жизни Охотина появилась Чичерина. И словно из пустоты вдруг улыбнулась надежда. Потом улыбнулась снова и снова, и пустота перестала быть пустотой. Иначе говоря, Охотин влюбился. Было это возвращением старых чувств, как намекала Лопатина, или все для него происходило вновь, он и сам сказать не мог, но в одном был уверен точно: его счастье теперь зависело от Лены, он только не знал, как свое счастье соединить со счастьем дочери. Точнее знал, но в общих чертах, а нужны были подробности. О них он и размышлял по дороге в магазин, и главное место в мыслях занимал предстоящий выпускной.

Выпускной вечер приобретал для Охотина совершенно особое значение. Именно здесь он хотел предстать для всех успешным человеком. Ему так долго сочувствовали, что теперь до ужаса хотелось обратного: чтоб позавидовали: и ему позавидовали, и Лизе (вот ведь, Лиз, отец-то у тебя - орел!), и, чего греха таить, Чичериной, чтоб в глазах и той и другой он увидел восторг. Разве на волне этого восторга нельзя будет сказать им друг о друге? Конечно, можно, не сомневался Охотин, главное, чтоб выпускной удался, чтоб все задуманное исполнилось, даже в мелочах. Потому и напрягал родной коллектив в преддверии праздника.

Единственное, что продолжало беспокоить Охотина, было собственное телосложение (Игорь Игоревич снова втянул живот). Ирина права, надо чем-то заняться. Хотел бегать по утрам - не получилось. А так приятно было почувствовать себя подтянутым, таким, как Денисов, загорелым, в тугих джинсах, в белой футболке...

«Надо бегать, надо бегать», – повторил нараспев Игорь Игоревич и похлопал себя по животу: ничего, с этим он тоже справится.

«...И планов много, и сам не стар, передо мною опять Бульвар» – вспомнились стихи все того же местного поэта.

Охотин прошел вдоль забора, повернул на правую сторону, вышел к дверям магазина, шагнул и остановился.

«Что такое?» – подумал он, почувствовав в груди слабость.

Он сделал шаг назад, повернул голову направо и уставился на доску объявлений. Там, где еще утром висела шикарная афиша, извещавшая о предстоящем выпускном, сиротливо торчали четыре кнопки...

.....

Крик Охотина разлетелся по библиотеке, ботинки грохотали по лестнице.

– Чего это там? – спросила сама себя Лопатина и беспокойно повернулась к дверям.

Никончук взглянула в ту же сторону, в мыслях всплыл брошенный пришкольный участок.

«Пожалуй, спрячусь», – мудро подумала Евгения Петровна и скрылась за шкафами.

И вовремя: в читальный зал влетел покрасневший от гнева директор. Взгляд метнулся к Лопатиной.

– Где участковый?

– Не знаю. А что случилось?

– Сорвали! - рявкнул Охотин.
– Что сорвали?
– Афишу!
– Господи, я подумала с Лизкой чего... – Лопатина перевела дыхание.
– Издеваешься? – выкатил глаза Охотин.
– Почему?
– Что значит почему?! – начал багроветь Охотин. – Я же говорю – сорвали!
– Объявление? – не понимала Лопатина. – И всего-то? Нарисуем новое.
– Это не объявление, это – не объявление! – В негодовании Охотин вытянулся стружкой (удивительно, даже живот куда-то пропал). – Это афиша! Афиша!! Мне ее художник нарисовал. Настоящий! Я к нему специально ездил договариваться.

Тут Игорь Игоревич приврал. Житель райцентра Федоскин хоть и был художником, но скорее относительным, чем настоящим: он работал оформителем в районном Доме культуры. И Охотин к нему не ездил, а говорил по телефону. Предметом разговора была цена предлагаемой Федоскину работы. Игорь Игоревич уговаривал нарисовать афишу за бутылку коньяка, Федоскин просил три. Договорились на одной плюс пиво (в качестве аванса).

Лопатина про коньяк знала, но ловить Охотина не стала. Чего не скажешь в горячности? А Игорь Игоревич горячился, как никогда: лицо горело, руки сжимались в кулаки.

– Проведем без афиши, – мягко произнесла Лопатина, пытаюсь настроить Охотина на мирный лад.

– Не проведем! Не проведем!! – закричал Охотин, еще больше негодуя. – Выпускной должен пройти по высшей мерке, от начала до конца.

– Ты с этим выпускным скоро с ума сойдешь, – покачала головой Лопатина. – И нас сведешь.

Но Охотин ее не слышал: он заметил за шкафами Никончук.

– Так... – тяжелый взгляд директора уперся в учительницу. – И вы здесь, Евгения Петровна... – хрустнул он пальцами. – Тогда мне все понятно. Мне все понятно!

Никончук не двигалась. Ощувив себя в центре событий, она обреченно подумала: «Убьет...»

На помощь подруге поспешила Лопатина.

– Что тебе понятно?

– Все! – нервно бросил Охотин. – Выходите, Евгения Петровна, не стесняйтесь. Где вы сейчас должны находиться, Евгения Петровна?

– На участке, – вздохнула Никончук.

– И не просто находиться. Вы должны были следить за работой учащихся среднего звена. А вы покинули пост. И вслед за вами сбежали остальные. Я прав? – наседал Охотин.

И снова Никончук покорно вздохнула.

Игорь Игоревич с боевым воодушевлением начал выстраивать цепочку событий:

– После того как они сбежали, кто-то один, а может, и не один пошел к магазину, дождался, когда у магазина никого не будет, и сорвал афишу. Вот что случилось.

– Пусть он подавится этой афишей, – сказала Лопатина. Она налила в стакан воды и протянула директору.

Охотин примирительный жест отвергать не стал и воду выпил. Теперь, когда картина случившегося прояснилась, он начал успокаиваться.

– У меня серьезные цели. Если выпускной сорвется, я прямо не знаю, что будет.

– А что будет? – спросила Лопатина.

– Ничего не будет.

– Как это? То будет, то не будет, – не поняла Лопатина.
– В смысле из того, что я запланировал, ничего не будет. У меня план.
– Само собой, – кивнула Лопатина и снова придвинула стул.
Охотин сел, Лопатина, взяв второй стул, присела рядом.
– У меня план, – повторил директор. – А к планам нельзя относиться
легкомысленно, иначе все пойдет крахом.

– Никакой план не спасет от краха, на то он и крах, – туманно высказалась Евгения Петровна.

Охотину не понравились слова учительницы. Он строго посмотрел в ее сторону.

– Обойдемся без философствований, вы свое отношение к планам уже продемонстрировали. К планам директора, между прочим.

Лопатина, уловив обострение в разговоре, моментально вмешалась.

– Кто же это мог сорвать? – произнесла она в задумчивости.

– Кто-нибудь из курильщиков, – решительно произнес Охотин. – Они меня ненавидят, я у них за год семнадцать пачек отобрал.

Игорь Игоревич имел в виду войну с курением, начатую им в школе, и ее впечатляющие, как ему казалось, успехи.

– Не думаю, что курильщики, – засомневалась Лопатина. – Какой им интерес срывать афишу? Зачем она им?

– У них интерес не к афише, у них интерес ко мне. Они это сделали назло директору школы, – решительно отверг Охотин сомнения Лопатиной и громко спросил: – Где они могут быть?

– Теперь все на речке, купаются, – первой ответила Лопатина.

– Они у менякупаются. На весь годкупаются! – грозно пообещал директор.

Уверенный, что злодеи определились, Игорь Игоревич начал отдавать приказы.

– Вы, – обратился он к Никончук, – найдете всех, кого отпустили, и доставите ко мне в кабинет. Хоть за уши, но притащить! А вы, Ирина Сергеевна, – повернулся он к родственнице, – найдите участкового и передайте мою просьбу прийти в школу.

– Участкового-то зачем? Разберемся без участкового, – предложила Лопатина.

– Нет, не разберемся! – рявкнул Охотин.

– Может, они и афишу-то уже порвали, – все еще сомневалась Лопатина.

– Чтоб кто-то порвал мою афишу? Да никогда! – горячился Охотин. – Не посмеют. Они меня боятся. Семнадцать пачек за год - это не мелочи. И рта не раскрыли. Вот они у меня где!

Охотин показал женщинам кулак, внутри которого и находилась, по его мнению, курящая шатия-братия.

Игорь Игоревич выпрямился. Лицо его стало как будто даже величественней, какая-то в нем появилась мудрая зоркость. А может быть, и не зоркость, а что-то другое, но это «что-то» безошибочно подсказывало женщинам, что директор закусил удила и спорить с ним бесполезно.

«Конечно, бесполезно», – смотрел на женщин директор. Хотя в душе, уже вставшей на свое место, Игорь Игоревич понимал: сорванная афиша не испортит вечера. И без нее все знали о выпускном, село-то – с ладошку, десять улиц да проулки. Но мысль о собственной успешности уже взяла директора в оборот. Предстоящая победа в борьбе с курильщиками манила блестящей перспективой. Игорь Игоревич представлял, как завтра в учительской будет описывать коллегам свою победу над хулиганами, их публичное посрамление. Этот успех, думал он, неизбежно укрепит его репутацию. А если он проявит слабость и отступится от Семенова, его снова назовут неудачником.

«Именно так», – согласился сам с собой Охотин, по-молодецки поднялся и отправился в школу.

.....

Охотин шагал быстро и уверенно, и даже знакомые псы, до этого часа не обращавшие на него ни малейшего внимания, теперь подозрительно следили за стремительным передвижением директора и тревожно подвывали: они его не узнавали.

Приблизившись к школе даже не шагами, а уже совсем какими-то полупрыскоками, Игорь Игоревич достиг кабинета и с грозным видом сел за стол. Он настраивался на разговор с курильщиками, готовил убийственные фразы, чтоб, как говорится, без церемоний.

Но с фразами Игорь Игоревич не успел: в кабинет такими же полупрыскоками, какие он сам только что выделял на подходе к школе, влетела старшая вожатая Вероника Сеницына. В отличие от директора, который переходил на полупрыскоки в момент крайнего возбуждения, Сеницына таким способом передвигалась всегда. Это была ее особенность, ее внутренняя скорость, если хотите, отчего и слова, и мысли Вероники часто торопились и подпрыгивали. И хотя была она девушкой невредной, но эти «жизненные полупрыскоки» иногда порядком запутывали ситуацию, что вызывало у окружающих определенную нервозность.

– Игорь Игорич, сценарий написан, слова раздала. Мы все – древнегреческие боги, вы – Прометей, главный бог, – затараторила Вероника.

«Прометей – не бог», – вспомнил Охотин.

– Для оживления постановки будем использовать факел, – тараторила Вероника. – Как будто вы передаете выпускникам огонь знаний. Как идея?

На лице Охотина возникло сомнение: факел, пожалуй, слишком...

Сеницына сомнение угадала и прибавила оборотов:

– Это будет что-то невероятное! Притушим свет, вы с факелом, на голове – венки. Выпускники склоняются, музыка – тихо-тихо. И ваше напутствие...

– В этом месте? Я думал - до вручения аттестатов.

– Именно в этом, только в этом, чтоб каждое слово – в самое сердце. Ни у кого такого не было, все ахнут.

«Ахнут – это хорошо», – согласился про себя Охотин.

– А мы не сгорим?

– Что вы такое говорите, Игорь Игорич? Это обычный факел. У одной стены поставим ящик с песком, у другой – ведро с водой. Если надо, повесим огнетушитель, даже два.

И все-таки с факелом Охотин решил не торопиться.

– Вы его приготовьте, там посмотрим. Сейчас поговорим о другом. Скоро здесь должны появиться наши с вами любимчики Семенов, Прохоров, Карташов. Будем их песочить по полной программе.

– За что опять?

– Афишу о выпускном сорвали, представляете? Сейчас Никончук их найдет и приведет в школу. А вы встречайте на крыльце, чтоб сразу ко мне!

Сеницына тревожно кивнула и выскочила из кабинета, а директор продолжил настраиваться на предстоящую битву с хулиганами, заодно придумывая наказание для Никончука. Все началось с нее, пусть отвечает...

В кабинет вошла Лопатина.

– А подруга где? – нахмурился Охотин, начиная осуществлять задуманную расправу.

– В коридоре осталась.

– Боится войти? Правильно. Как минимум выговор получит, - сказал Охотин и повторил: – Как минимум.

– За что? – спокойно поинтересовалась Лопатина.

– Как это за что? Ее школьники сорвали афишу.

– Во-первых, не ее. А во-вторых, это были не школьники. И даже не жители села. Ты представить не можешь, кто это сделал.

Охотин вздрогнул: он почувствовал прикосновение беды. Прикосновение беды было легким, ни к чему не обязывающим, и угадать в прикосновении действительно беду мог или очень опытный человек, или очень мнительный. Охотин не принадлежал ни к тем, ни к другим, поэтому, когда предчувствие беды повисло в воздухе между ним и Лопатиной, Игорь Игоревич сделал то, что делает в таких случаях обычный человек: он не поверил предчувствию.

– Кто? – спросил Охотин.

– Пожарный, – сообщила Лопатина.

– Кто? – переспросил Охотин и угловато взглянул на Ирину Сергеевну.

– Инспектор Госпожнадзора, – уточнила Лопатина. – Подошел и снял, примерно час назад, как сказал участковый. Сейчас он ушел в больницу, а потом придет в школу. У него к тебе разговор.

– О чем?

– Не знаю.

Возникла пауза. Нельзя сказать, что Игорь Игоревич испугался: он старался исполнять предписания разного вида «надзоров». И даже когда это не получалось, умел умирять проверяющих в их стремлении «найти и прищучить». Умение сводилось к трем составляющим: плакаться по поводу денег, прятать «хвосты» и сочинять приказы. Всем этим Охотин владел в совершенстве, поэтому с районным пожарником Новокшоновым (тем самым Госпожнадзором) жил хорошо, шагал, что называется, нога в ногу. И вдруг без всяких объяснений, без звонков – приехал и снял афишу. «Почему?» – пытался понять Охотин.

– Может, нарушения были? – спросила Лопатина.

– Какие нарушения? – недовольно взглянул Охотин. – Не было у меня нарушений. У меня с пожарными дружба.

Лопатина пожала плечами.

– Позвони в район, пусть объяснят. Денисову позвони.

Теперь Охотин нахмурился по-настоящему.

В кабинет влетела Синицына. За ней, аккуратно закрыв дверь, вошла Никончук. В руках Синицына держала палку, на одном конце которой была намотана тряпка, закрепленная для прочности алюминиевой проволокой.

– Вам чего? – взглянул на нее директор.

Вероника радостно шагнула вперед и отрапортовала:

– Приготовила.

– Что? – не понял Охотин. – Это что у вас? – Он показал на палку.

– Факел.

– Какой факел?

– Чтоб поджигать. Мы его, конечно, украсим...

Охотин побледнел.

– С ума сошли? Какое «украсим»?! Быстро убрать, чтоб близко не было!

У Синицыной наступил ступор: крик Охотина обрушился на нее подобно удару грома.

На помощь ей пришла Лопатина.

– В школу ожидается пожарный, факел лучше спрятать, – сказала она.

– Он же не горит, – беспомощно произнесла Вероника.

– Все равно спрятать, подальше от греха.

Никончук, вспомнив успешный маневр в библиотеке, будничным голосом посоветовала:

– В туалет надо унести, вариант проверенный.

– А если найдет? – повернулась к ней Сеницына.

Никончук забрала факел из рук вожатой:

– Пожарные туалеты не проверяют, не их полномочия. Там санитарные врачи шерстят, но эти раньше июля не объявятся...

Охотин разговор не слышал, он в волнении растирал лоб. Конечно, с Новокшоновым все налажено, но мало ли что изменилось. Как позвонишь, да узнаешь, и запрыгаешь тогда...

Никончук подошла к столу, выложила ключ от кабинета информатики и, показав Сеницыной глазами на дверь, вышла в коридор. Сеницына юркнула следом.

– Чего не звонишь? – спросила Лопатина.

– Страшновато, – признался Охотин.

– Тут бойся не бойся... – произнесла Лопатина и придвинула директору телефон.

Охотин вздохнул и набрал номер управления образования.

Лопатина стояла у стола, ожидая, что произойдет дальше.

Игорь Игоревич зажал ладонью трубку и повел ею в сторону, давая понять Лопатиной, чтоб отошла подальше: темперамент Ирины Сергеевны в разговоре с начальством мог только помешать.

Охотину ответила секретарь.

– Как живете, Женечка? – спросил Охотин.

– Ничего.

– Где Юрий Викторович?

– Ушел в гараж.

– Тогда я перезвоню, – сказал Охотин.

– Чего «перезвоню», – зашипела Лопатина, удерживая Охотина под прицелом. –

Сейчас спрашивай!

Охотин снова вздохнул: деваться было некуда.

– У нас тут вопросик возник не очень понятный, Алексей Петрович задал.

Охотин надеялся, что Светлакова ответит в том же уменьшительно-ласкательном духе, отчего сама проблема станет уменьшительно-ласкательной. Но голос Светлаковой не стал ни уменьшительным, ни ласкательным.

– Какой, Алексей Петрович? – не поняла она.

– Новокшонов, пожарный инспектор.

– Новокшонов с понедельника на пенсии.

Вдоль спины директора пробежал холодок.

– А кто теперь вместо него?

– Андрей Иванович Гусев. Перевели из соседнего района.

– И как он?

– Вежливый. Вчера к нам приходил, документы проверял.

– Замечания делал?

– Не знаю, с ним Юрий Викторович разговаривал. А что случилось?

– Гусев приехал в село и снял афишу о выпускном вечере.

– Да? – удивилась Светлакова. – Я ничего не слышала. Может быть, он что-то перепутал?

– Может быть, – не очень твердо произнес Охотин.

– Вы не волнуйтесь, бывают недоразумения, разберетесь, – попыталась успокоить его Светлакова

– Я тоже так думаю, – сказал Игорь Игоревич. – Он сейчас в школу придет.

– Документы приготовьте, чтоб были в порядке, Гусев документы любит. Денисову сообщить?

– Не надо беспокоить, сам все улажу. Если что, перезвоню, – ответил Охотин с улыбкой. Но улыбка получилась бледной, чего не могла видеть Светлакова, зато прекрасно увидела Лопатина.

Охотин положил трубку, скрестил ладони под подбородком, какое-то время смотрел перед собой.

– Гусев, Гусев... Ничего, разберемся, – произнес он, правда, не очень уверенно.

– Я нужна? – спросила Лопатина.

– Иди, иди, – забормотал Охотин, – без тебя забот хватит...

Он устало шевельнулся, пригладил ладонью волосы, встал и направился к шкафам. В одном из них стояла картонная папка, подписанная большими красными буквами «ГПН».

Взяв папку в руки, Охотин вернулся к столу, раскрыл картонные корочки и начал просматривать инструкции, памятки и столь любимые им приказы о пожарной безопасности. Тщательно проверив все документы, достал из кармана платок, вытер им лоб и шею...

Лопатина, Никончук и Сеницына стояли на школьном крыльце и смотрели в сторону забора. По тротуарам вдоль невысокого, недавно приколоченного штакетника продвигался мужчина в форме темно-зеленого цвета. В правой руке он нес портфель.

«Пожарный», – поняли женщины и тревожно переглянулись. И в самом деле, кто знает, чего они еще там придумали, в своем «Пожнадзоре»...

.....

Инспектор Госпожнадзора (не старше тридцати лет, невысокого роста, лысоватый) зашел в школу, остановился у плана эвакуации, внимательно его рассмотрел и двинулся в сторону кабинета директора. Он не спешил, и пока дошел до кабинета, успел так же внимательно рассмотреть деревянный пол, стены и потолок.

В кабинете, вежливо поздоровавшись с Охотиным, он прошел к столу, снял куртку («Жарко», – пояснил гость), повесил ее на спинку одного из стульев, стоящих тут же, потом отошел к окну и на широкий подоконник поставил портфель (заодно глянув, что там, за окном).

Все это проделав без суеты, неторопливо, он подошел к директору, протянул руку и, обменявшись рукопожатием, сел за стол. Взгляд его был прямым и доброжелательным. Игорь Игоревич попытался ответить таким же взглядом. От волнения получилось не очень (как-то не совсем прямо и не то чтобы доброжелательно). К тому же Игорь Игоревич забыл, как зовут инспектора.

– Гусев Андрей Иванович, старший лейтенант внутренней службы, – помог ему гость.

– Приятно познакомиться, – взял себя в руки Охотин. – С какими вопросами в нашу школу?

– Изучаю состояние принимаемых объектов, для общей оценки.

– И как оценка? – осторожно поинтересовался Игорь Игоревич.

– План эвакуации у вас хороший. Соблюдены все требования, в больнице гораздо хуже. Сигнализацию давно установили?

– Год назад. Район выделил деньги.

– Молодцы.

Игорь Игоревич с облегчением вздохнул, хотя не понял, кто молодцы – он или районная власть.

– Мы стараемся не ссориться с пожарными, – сказал он.

– Зачем с нами ссориться? Мы ваши союзники, печемся о вашей безопасности, – дружелюбно пояснил Гусев.

– Я об этом и говорю. Документы будете проверять?

– Посмотрю.

Максимально любезным жестом Игорь Игоревич протянул заветную папку с инструкциями и приказами, подписанную большими буквами «ГПН». Ему очень хотелось, чтоб Гусев обратил внимание на порядок в документах и снова его похвалил, как хвалят добрую хозяйку за ухоженные грядки.

К любезностям Охотина старший лейтенант внутренней службы интереса не проявил и углубился в бумаги, чуть покачивая головой.

– У нас документы в норме, Новокшонов проверял, замечаний не было, – комментировал Охотин, стараясь подбирать к словам доверительную интонацию.

– Это хорошо, когда замечаний нет, – соглашался Гусев, не поднимая головы.

И здесь Охотин тоже с облегчением вздохнул: голос инспектора был ровным и неприятностей не обещал. Но про афишу он пока спрашивать не стал: он хотел еще больше понравиться Гусеву. Поэтому начал подробно рассказывать о том, как он, директор обычной сельской школы, несмотря на отсутствие средств, тем не менее укрепляет пожарную безопасность.

Гусев листал приказы, слушал пояснения Охотина про пожарные дела и нехватку денег и потирал указательным пальцем переносицу.

– В мае заменили три огнетушителя, проверили пожарный водоем, фонариком все высветили, провели испытание пожарной лестницы, – старательно перечислял Охотин.

– Сами провели? – остановил его Гусев.

– Сами.

Гусев взглянул на Охотина, чуть двинув бровями. Игорь Игоревич решил, что сейчас инспектор его похвалит. Но ошибся.

– Это нарушение, – сказал Гусев.

– Как нарушение?

– Вы не имеете права испытывать пожарную лестницу. Проводить испытание пожарной лестницы должна специальная организация, имеющая на эту деятельность лицензию.

– Есть такие организации?

– Конечно.

– Новокшонов не говорил, – постарался улыбнуться Охотин.

– Он много чего не говорил, – многозначительно произнес Гусев и наморщил лоб.

Охотин забеспокоился. Ему показалось: голос инспектора изменился. Еще этот сморщенный лоб...

«Зря я с лестницей сунулся», – с досадой подумал Игорь Игоревич. И поспешил вернуть разговор к проверенной теме, до этого не дававшей сбоя.

– Мы вам еще классные журналы покажем. Там у нас все инструктажи отмечены.

Гусев поднял голову и внимательно посмотрел на директора. Охотин увидел голубые глаза и понял: все это не главное: и папка с приказами, и классные журналы, и объяснения насчет отсутствия средств.

Игорь Игоревич занервничал.

Инспектор принял стопку журналов, открыл тот, что лежал сверху, и углубился в изучение отмеченных директором страниц. Потом закрыл его, опять наморщил лоб, и Охотин понял: сейчас он услышит главное, и это главное будет для него неприятным.

– Инструктажи – дело хорошее, но важно, чтоб инструктажи давали результат.

– У нас есть результат, – тихо сказал Охотин.

– Сомневаюсь.

– Почему? – еще тише спросил Охотин.

– Сегодня я видел, как ваши ученики курили на территории школы. А это запрещено законом.

«Все-таки попались, гады!» – выдохнул директор.

– Это единственный раз, мы с этим боремся, – стал он торопливо объяснять. – Мы их накажем, они уже вызваны. Сегодня же накажем! – с возбуждением заверил Охотин.

Гусев кивнул и с долгой улыбкой посмотрел на директора («Как охотник на жертву», – екнуло в груди у Охотина.). Видно, эта мысль каким-то образом отразилась на лице директора, поскольку взгляд инспектора изменился: в голубых глазах появился новый интерес.

– Я здесь, собственно, по другой причине, – сказал Гусев. – Дело в том, что ваша школа в целом не соответствует требованиям пожарной безопасности.

– Как не соответствует? – туповато взглянул Охотин.

– Не соответствует, – подтвердил Гусев. – Ваша школа относится к пятой группе огнестойкости, а по требованиям деревянные двухэтажные школы должны относиться к четвертой группе.

– И что из этого следует?

– А из этого следует, что школу надо переводить в другую группу огнестойкости.

– Мы не против, давайте переводить.

Гусев улыбнулся.

– Вы садитесь, – предложил он Охотину. – Вы знаете, что такое группы огнестойкости?

– Нет.

– Группы огнестойкости отличаются временем эвакуации из здания. Проще говоря, здание пятой группы огнестойкости, такое, как ваша школа, – это сарай, время эвакуации из него ничтожно. Двадцать минут – и все здание будет в огне. Понятно, что за это время ученики и учителя эвакуироваться не успеют.

– У нас успеют, – искренним голосом произнес Охотин. – У нас на учениях все выбежали за пять минут.

– Это же учения, – снова улыбнулся Гусев. – Настоящий пожар – другое. Паника, растерянность, вы же понимаете.

– Я понимаю. Но у нас девяносто учеников, а здание рассчитано на триста.

– Для обеспечения пожарной безопасности это не имеет значения. Сегодня вас девяносто, завтра – сто девяносто. Поэтому будем говорить не о количестве учеников, а о группах огнестойкости. У зданий четвертой группы огнестойкости время эвакуации на порядок выше, но это достигается путем проведения набора противопожарных мероприятий, прежде всего на путях эвакуации.

– Каких мероприятий?

– Потолки и стены обиваются гипсокартоном, пол покрывается специальным огнестойким линолеумом.

– Это дорого?

– Для такой школы, как ваша, полмиллиона минимум. Линолеум дорогой.

– И что делать?

– Ничего. Учебный год кончился, идите в отпуск. А за лето школу сделают. Насколько я понял из беседы с вашим начальником - Денисов, да? – переспросил инспектор, - он рассчитывает на помощь области.

– Хорошо, – кивнул головой Охотин, хотя насчет областной помощи ничего не слышал. «В любом случае это забота Денисова, пусть у него голова и болит, - подумал директор. - Осталось выяснить вопрос с объявлением».

– Афиша? – переспросил Гусев. – Отдал участковому. Жалко выбрасывать, красиво написано.

– А зачем ее выбрасывать?

– Вот и я говорю, зачем. Сохраните для истории.

– Мы сохраним. Потом. А сейчас ее можно повесить? На прежнее место?

– Повесить можно, но тогда надо исправлять.

– Что исправлять?

– Текст надо исправлять. Про то, что в школе.

– Не понял, – теперь уже Охотин наморщил лоб.

– У вас написано, что выпускной вечер будет проведен в школе, так? – Гусев сделал паузу. – Но в школе проводить выпускной вечер нельзя.

– Как? – остоленел Охотин.

Гусев терпеливо улыбнулся:

– Я же вам сказал, что школа не соответствует правилам пожарной безопасности.

– И что?

– Ну, раз не соответствует, какие могут быть мероприятия? Тем более массовые. – Голубые глаза не отпускали Охотина.

– А как же выпускной? – растерялся директор.

– Проведете в другом месте.

– У нас нет другого места.

– А клуб?

– Клуб закрыт, там ремонт.

– Есть здание администрации, есть библиотека. В крайнем случае - на улице.

– Как на улице? А если дождь?

– Дождь – это лучше, чем пожар. Приготовьте зонты.

«Какие зонты, о чем он говорит...» – задергались мысли Охотина.

Инспектор встал из-за стола, вернулся к оставленному у окна портфелю, начал вынимать бумаги.

– Мне нужны точное наименование школы и адрес.

– Зачем?

– Для составления протокола.

– Вы собираетесь нас закрывать?

Гусев вернулся к столу.

– Закрывать школу – дело учредителя, и то, насколько знаю, с согласия сельского схода. Я могу осуществить только временный запрет на эксплуатацию школьного здания сроком на пять суток. А дальше в соответствии с законом - суд, и судья вынесет решение: или предупреждение, или штраф, или приостановка деятельности на срок до девяноста дней. Предупреждение не пройдет, нарушения правил пожарной безопасности очевидны, и они грубые. Штрафовать вас не за что, ни вашей вины, ни вины школы как юридического лица в нарушениях нет, самое правильное – приостановить деятельность школы и ликвидировать нарушения. Поскольку каникулы и учебных занятий не ведется, для школы это пройдет безболезненно.

«Как же безболезненно, если сорвется выпускной?» – сжались мысли директора. Из всего, что он услышал, только это и понял Игорь Игоревич. И еще он понял, что ситуацию надо срочно спасать.

Гусев сел за стол, начал заполнять документы.

– А можно закрыть школу («Приостановить деятельность», – поправил Гусев), да, да, приостановить, но послезавтра? Мы проведем выпускной, а потом вы приостановите, – предложил Охотин реальный с его точки зрения ход.

– Нельзя. Я зафиксировал нарушение сегодня, сегодня и должен осуществить временный запрет. Иначе какой смысл? Если ученик не выполнил домашнее задание, вы же не станете ставить двойку через два дня?

– Но у нас сорвется вечер. Мы его готовили для этого здания, в другом месте его не провести.

– Это вам кажется, что не провести. Вы подумайте хорошо, выход всегда найдется.

– А если мы все-таки проведем вечер в школе?

– Вы это серьезно? – Гусев посмотрел на Охотина, и директору на мгновение показалось, что глаза у инспектора уже не голубые. – То, что вы предлагаете, называется неповиновением законному распоряжению.

– Что мне за это будет? Штраф?

– Если судья усмотрит в вашем поведении умысел, можете лишиться работы. Дисквалификация на срок до трех лет. Вам это надо?

– Нет.

– Вот видите, вы все понимаете. Денисов говорил, что у него вменяемые директора. Нужно подписать протокол, вот здесь, и здесь (Гусев поставил на документах аккуратные галочки), копию я вам оставляю.

Охотин сидел не двигаясь, растерянные глаза смотрели на пожарного.

– Мне нужен день. Пройдет выпускной, и можете делать со школой все, что захотите. И со мной, что захотите. Только день, – произнес он сухими губами.

И снова инспектор улыбнулся Охотину (правда, голубые глаза смотрели совсем не улыбочиво).

– То, что вы предлагаете, невозможно, и вы сами знаете, почему.

– Почему? – прошептал Охотин.

– Потому что есть закон, который нарушать нельзя. И есть пожары, в которых гибнут люди. Кстати, и с молниезащитой у вас непорядок. – Гусев показал в сторону окна. – Сами делали? Если я все правильно понял, это не молниезащита, это обычный столб с проволокой.

Охотин кивнул.

– Надо было обратиться к специалистам, теперь придется переделывать. Подписали? – Охотин кивнул. – Копию протокола приберите для суда. И не переживайте вы так, – посмотрел Гусев на директора. – В самом деле, что вам дороже: выпускной или работа?

Гусев не стал ждать ответа, поднялся на ноги, потянулся, надел куртку и, забрав с широкого подоконника портфель, попрощавшись, вышел из кабинета.

Игорь Игоревич не шевелился. Перед глазами лежала толстая папка с надписью «ГПН» и не менее толстые классные журналы со всеми инструктажами, которые только можно было выдумать в сельской школе. За ними – листок бумаги, один-единственный. Но этот листок отменял и папку, и журналы, и самого Охотина с его планами и надеждами.

«И что сейчас делать?» – директор провел сухой ладонью по лбу.

Дверь кабинета открылась.

– Можно?

Охотин поднял глаза: на пороге стояла Елена Андреевна Чичерина.

.....

В другое время появление Елены Андреевны могло вызывать у Охотина лирические и даже философские мысли. Например, кто они – лучшие женщины? И когда приходят? И есть ли в этих сроках смысл или одна игра случайностей?

Но сейчас ни о чем таком Игорь Игоревич думать не мог: мысли метались и путались, словно слепые, отчего голова шла кругом, а язык, наоборот, не двигался.

Чичерина все поняла. Поэтому ничего не стала спрашивать, просто подошла к Охотину и опустила руку на плечо.

– Что делать, что делать? – обхватил Охотин голову.

Чичерина взглянула на стол, взяла в руки документ инспектора.

– Протокол, школу закрывают на пять суток, – объяснил Охотин. – Выпускной сорван. Хоть стреляйся.

– Застрелиться успеем. – Учительница вернула протокол на место. – Почему нас закрывают?

– Не та группа огнестойкости.

– Что из этого?

Охотин тяжело вздохнул и рассказал Елене Андреевне, чем может грозить школе не та группа огнестойкости.

– Он сказал: проведите в другом месте. А где? – Охотин откинулся на спинку стула, обреченно взглянул в потолок. – С клубом неделю провозятся, не меньше. Сцену разобрали, как нарочно...

– Если сцену закрыть занавесом и провести линейку в зале? – предложила Чичерина и тут же добавила: – Нет, все не войдем.

– Не войдем, – подтвердил Охотин.

– Площадка у школы?

– Тоже не войдем, я уже думал. Еще и трава не кошена... – Он снова вздохнул.

– А если провести в школе? Плюнуть на протокол и провести? – спросила Чичерина.

– Гусев сказал, что тогда меня снимут с работы. По суду.

– Кого снимут, это еще вопрос, – загадочно произнесла Елена Андреевна.

Она взяла телефонный аппарат, сняла трубку и стала набирать номер.

– Денисову? – следил Охотин за цифрами. – Думаешь, поможет?

Чичерина чуть улыбнулась и поднесла палец к губам: тише. Трубка, погудев, ответила.

– Юра? Это Лена, да, которая Чичерина. Хорошо живу. У тебя есть время поговорить? Да, случилось. У нас пожарный запретил выпускной. Я бы тоже не поверила, если бы не протокол. Передо мной, приостановка на пять суток. Да, сидит рядом.

Чичерина протянула трубку директору.

– Расскажи ему про Гусева.

Охотин взял трубку и пересказал историю с протоколом. После этого какое-то время слушал, что отвечал начальник РУО.

– В том-то и дело, – подхватил он разговор (как видимо, Денисов закончил). – У нас все вместе: и спортзал, и столовая – перейти один коридор. Там вручили аттестаты, тут сели за столы. Спектакль готовим. Спасибо, Юрий Викторович. Да, конечно. – Он повернулся к учительнице. – Елена Андреевна, вас.

Чичерина кивнула, приняла от Охотина трубку.

– Он назвал вас спасительницей, – добавил Охотин суховатым тоном.

Чичерина быстро на него взглянула, но ничего не ответила.
– Не жалею, - сказала она в трубку. – Конечно, приезжай...
Ее разговор с Денисовым продолжался десять минут. Елена Андреевна в основном говорила «да», «нет» и больше смеялась.
Охотин слушал смех и хмурился.
Закончив разговор с Денисовым, Чичерина повернулась к директору и спросила:
– Что он пообещал?
– Завтра возьмет Гусева в оборот, не поможет – обратится к Кутеповой, – сухо доложил Охотин. – Сказал, что не позволит, чтоб лейтенантик испортил нам праздник.
Он встал, взял со стола папку, часть журналов и пошел к шкафу расставлять их на полке.
Чичерина проводила его глазами, забрала оставшиеся журналы, подошла следом.
– Десять лет назад я спасла Денисова от тюрьмы, – сказала она, не взглянув на Охотина. – Я работала в райцентре, в спортивной школе, а он из армии пришел, устроился к нам тренером. Пока служил в армии, от него ушла жена. Он ее забыть не мог, психовал. Однажды напился, пошел выяснять отношения, разодрался с мужем. Мне удалось договориться, чтоб не составляли протокол.
– Почему тебе?
– Знакомые были в милиции. С того времени я для него – спасительница, а он для меня – Юра, без отчества и должностей. Ничего другого между нами не было.
Чичерина взяла журналы Охотина.
– Прости меня, Лена. Я после Гусева как с ума сошел. И про вас с Денисовым ничего не знал.
– Зачем тебе знать? У тебя своя жизнь, у меня – своя. Хотя столько раз хотелось все рассказать, вообще все... – Чичерина чуть усмехнулась (она все так делала: и хмурилась, и усмехалась – чуть-чуть). – Я и замуж вышла только потому, что хотела тебе отомстить, узнала, что ты с Ольгой стал встречаться, и вышла за одноклассника. Три месяца прожили, чувствую – все, нажилась до смерти, надо убегать. Хотела домой вернуться, поговорить с тобой, а у вас с Ольгой свадьба. Я тогда поклялась в село не возвращаться, чтоб тебя никогда не видеть... Все, журналы на месте, можно идти домой.
Елена Андреевна замолчала. Охотин взял ее за руку.
– Прости, - повторил еще раз. – Я, правда, голову потерял из-за этого выпускного. Готовились, готовились, и вдруг останемся без него? Представить невозможно.
– Почему невозможно? Очень даже возможно. Мы же остались.
– Да, вы остались... Странно получается, тебе Кутепова сорвала выпускной, а мне может помочь. Думаешь, поможет?
– Если будет выгодно. В таких случаях Василиса Ильинична идет до конца.
Охотин замолчал, взглянул из-под бровей на учительницу: «Спросить – не спросить?»
– Я мог ее остановить? Тогда на собрании?
Елена Андреевна освободилась от руки Охотина, взглянула на часы.
– Пора домой.
– Я мог ее остановить? – повторил вопрос Охотин. – Если бы не уехал? Могли проголосовать по-другому?
– Ничего не изменишь... Тебе дали командировку, и ты поехал.
– Я не мог не поехать, это курсы, их нельзя было пропускать.
– Про то и разговор, - улыбнулась Чичерина. Как заметил Охотин, не очень весело.
Он снова замолчал (в этот раз он молчал дольше прежнего), снова взглянул из-под бровей.
– Я давно собирался сказать...

– Ты посмотри, дождь пошел, – перебила его Чичерина.

Она отошла к окну, стала высматривать небо.

– Откуда что пришло? Ничего не было, и на тебе – дождь. А я без зонта.

Чичерина запахла на груди белую блузку, поправила юбку.

Подошел Охотин, взял ее за плечи, повернул к себе, свободной рукой задернул штору...

За окном шумел дождь, все сильнее, сильнее. Школа стояла пустой: в такой дождь никто не мог прийти. А в кабинете директора два человека пробовали начать жить сначала. На том и закончим.

.....

Прошло минут пятнадцать с того времени, как Охотин пришел из школы домой. Он открыл калитку, стараясь не шуметь, дошел до крыльца, постоял, подумал и спустился в сад. Сад был небольшой: четыре яблони, две груши и вишня, все посаженные одновременно, в год рождения Лизы. Тогда же среди саженцев Охотин поставил стол и две лавки – сооружение, названное им уголком раздумий; этой весной, в майские праздники, в основном его трудами (хотя не без помощи Ирины Сергеевны и Лизы) «уголок раздумий» был обновлен: старые лавки заменили новыми, стол покрасили. Именно сюда и направился Охотин, огибая кусты малины (все, что он сумел посадить без Ольги).

Охотину не хотелось идти в дом. Отчасти в силу того факта, что он все-таки опоздал, и ничего хорошего от этого ждать не приходилось: наверняка парни ушли (на часах было семь вечера) и Лопатина изошла сиропом. Но также в силу того волнения, которое после свидания с Чичериной никак его не оставляло. Хотелось побыть одному, подумать о будущем, забыв и сломанный водопровод, и предстоящую схватку с Ириной Сергеевной.

«Ольга приедет завтра, до обеда время есть, - рассудил Охотин. – Утром найду парней, и все исправим».

После дождя в саду было тихо. Игорь Игоревич, постелив на лавку газету, сидел за столом, отгонял рукой комаров и мошек и думал, как завтра он расскажет Лизе о своих отношениях с Еленой Андреевной. Он рассеянно улыбался, представляя, как дочь будет его слушать, как станет задавать вопросы или, наоборот, промолчит...

– Чертов дождь. Два часа тазы таскала, как последняя дура...

Знакомый голос в одну секунду вернул Охотина на землю. Он повернул голову в сторону кустов: за кустами красовалась Лопатина.

– Где был?

– А что?

– Больно счастливый...

Лицо у Охотина стало непроницаемым.

– Парни ушли?

– Тебя, что ли, ждать? Ушли, – проворчала Лопатина и вышла из-за кустов. – Где был? – повторила она вопрос.

– В школе. Речь сочинял для выпускного вечера.

– А он будет?

– Кто?

– Выпускной.

– Почему его не должно быть? – пожал плечами Охотин.

– Говорят, пожарный запретил, – подозрительно взглянула Лопатина. Она подошла к столу и села напротив Охотина.

- Гусев – не главный человек в районе, есть и главнее, – произнес директор.
- Ирина Сергеевна оптимизма Охотина не разделила.
- В районе пожарных никто не остановит. Областная структура. Ты один этого не понимаешь. – Лопатина подалась вперед, стол угрожающе качнулся. – Тебе сорвут выпускной.
- Я говорил с Денисовым. Он обещал помочь, – защитился Охотин.
- Денисову верить нельзя. Он карьерист и бабник! – выпалила Ирина Сергеевна.
- «Понеслось...» – с досадой подумал Охотин.
- Надо выходить на губернатора, пусть знает, что творится в школах. Это беспредел. Пусть вмешивается и защищает, – горячилась Лопатина.
- Во что он должен вмешиваться?
- В дела этого Гусева.
- Но противопожарные нормы нарушены, формально Гусев прав.
- Вот именно, что формально. А где он раньше был?
- Раньше у нас был другой инспектор.
- Какая разница? Контора-то одна. Целый год школа нормам соответствовала, а как пришел выпускной – уже не соответствует?
- Ирина Сергеевна с такой пронзительностью взглянула на Охотина, что тот невольно поежился: направо Лопатина свой взгляд на Гусева, подумал он, пропал бы инспектор, погиб, продырявленный, как решето.
- Они тоже подневольные люди, – решил Охотин вступить за пожарных. – Приказали – делают, не приказали – не делают.
- Ты еще им спасибо скажи, еще пожалеи их! – бросила в запале Лопатина.
- Пожалеть не пожалею, а спасибо скажу, – твердо сказал Охотин.
- За что?
- Эти люди думают о нашей безопасности.
- Эти люди думают о своих погонах.
- Хватит! – резко произнес Охотин и встал. – Не хочу с тобой говорить. Что у тебя за натура такая, обязательно настроение испортишь.
- Лопатина тоже поднялась.
- А ты бы, родственничек, меньше о своем настроении думал, а больше о дочери. Она из-за этого выпускного места себе не находит, ждет, когда отец появится и хоть что-то объяснит. А отец, оказывается, до вечера своим настроением занимался.
- Довольно! – отрезал Охотин, – объяснились, и точка. Все равно не договоримся.
- Ирина Сергеевна хотела на это что-то сказать, но не успела: Игорь Игоревич, боясь, как бы Лопатина опять его не зацепила, энергично двинулся в сторону дома.
- Ольга прикатила, – успела бросить Ирина Сергеевна.
- Как прикатила? – замедлил шаг Игорь Игоревич, тут же вспомнив о водопроводе.
- Она хотела завтра.
- А прикатила сегодня. Соскучилась, колбаса недорезанная...
- Дом встретил Охотина ароматом свежей стряпни. Игорь Игоревич заглянул в комнаты и прошел на кухню. К его удивлению, водопровод на кухне работал: Лиза ополаскивала посуду водой из-под крана (две недели до этого воду носили ведром из ванной комнаты). На плече девушки лежало полотенце. Второе полотенце закрывало два блюда на столе. «Пирог», – догадался Игорь Игоревич.
- Как дела, доча?
- Хорошо, – ответила Лиза, не обернувшись. – Мама приехала.
- Знаю.
- Нам заменили трубу.
- А деньги за работу?

– Мама дала.

«Опять мама...» – Охотин не знал, как относиться к услышанной новости: с одной стороны, проблема была решена, и это радовало, с другой стороны, Ольгины деньги, потраченные на водопровод, вызывали почти забытое чувство зависимости.

«Ничего, завтра отдам», – попытался успокоить себя Охотин.

– Долго ремонтировали? – спросил он, оглядывая белую трубу, положенную вдоль плинтуса.

– Часа два. – Лиза отошла от мойки, вытерла руки, посмотрела на отца. Посмотрела абсолютно серьезно, как никогда до этого не смотрела.

– Говорят, запретили выпускной.

– Уже разрешили, – соврал Охотин.

– В школе?

– В школе.

Взгляд Лизы не менялся.

– И мы можем повесить афишу обратно?

– Можете. А где она?

– У девчонок. Дядя Андрей отдал (так Лиза звала участкового).

– Давно надо было повесить, – сказал Игорь Игоревич.

– А пожарный?

– Недоразумение. Разобрались.

– Ты разобрался?

Охотин кивнул.

В глазах Лизы заиграли знакомые огоньки.

– Тогда я сбегаяю к девчонкам?

– Завтра сбегашь.

– Надо сегодня успокоить. Изнервничались все, – ответила дочь.

Она чмокнула отца в щеку и выскочила в коридор.

Хлопнула входная дверь, и через несколько минут еще раз: в дом зашла Лопатина.

Она прошла на кухню.

– Куда Лизка рванула?

– К подружкам.

Игорь Игоревич достал из холодильника молоко, сел за стол, откинул с ближнего блюда полотенце и взялся за пироги.

– А если не получится с Денисовым? – спросила Лопатина.

– Тогда Лизка меня убьет.

Лопатина не приняла шуточного тона директора.

– Подумай о губернаторе, другого варианта нет. Надо срочно ему писать, надо бить во все колокола, – снова стала убеждать она Охотина.

– В Интернете твоем писать?

– В Интернете.

– И что мы напишем? Приезжай, Николай Иванович, сделай милость, защити Лизу Охотину от пожарных? – Охотин убрал полотенце со второй тарелки. – Эти с чем? – взялся за второй пирог.

Ирина Сергеевна не ответила: она напряженно следила за Охотиным.

– С грибами, – определил Игорь Игоревич. – Вкусный, но с рисом вкуснее.

– Ты мне зубы не заговаривай, отвечай прямо: будешь писать губернатору?

– Я читатель, а не писатель.

– Я с тобой серьезно говорю.

– Хочешь серьезно – пожалуйста. Не буду писать, и тебе не позволю. Вопрос с проведением выпускного вечера я решу сам.

– Ты уже решал с водопроводом. Много решил?

– Это к делу не относится.

Охотин взял новый пирог, откинулся на спинку стула. Как этот пирог в руках Охотина, испеченный в русской печи и остывший на столе, проблема с выпускным, казавшаяся сначала катастрофой, за эти часы остыла. Денисов обещал – Денисов сделает...

Дверь снова хлопнула.

– Пожаловала, колбаса недорезанная, – процедила Лопатина сквозь зубы и с угрюмым видом сложила руки на груди.

На кухню вошла Ольга Охотина: в длинной кофте серого цвета, в черных джинсах, на голове – кудряшки, в руках – сигаретка – лихая представительница малого бизнеса с симпатичным личиком и спортивной фигурой.

– Я победила водопровод, Охотин, ты мне должен бутылку. И насчет бани я договорюсь.

– Насчет печки? – спросил директор.

– Насчет бани, Охотин, – поправила Ольга. – Печка ситуацию не спасет.

– На баню у меня нет средств.

– У тебя и на печку нет, – заметила Ольга. – Не напрягайся, обойдусь.

Она подошла к открытому окну, закурила.

Лопатина покосилась в сторону родственницы, насупила брови.

– Могла и на улице подымить.

– Могла, но хочется с вами. Давно не виделись, – ответила Ольга. – Разговор ваш услышала про выпускной. Оба несете ерунду.

Брови Ирины Сергеевны заходили волнами.

– Губернатор в популярность играет: сайты, прямые линии... Еще чего-нибудь придумает, – курила в окно Охотина. – Ему очки надо набирать, чтоб дальше двигаться.

– Куда двигаться? – удивилась Ирина Сергеевна.

– В столицу, куда еще.

– И что из этого? – хмурилась Лопатина.

– А ты не понимаешь? Не поедет он к нам. Какая тут популярность? Только в дерьме извозится. И ради кого? Пятнадцать выпускников. Смех на палочке.

– Чего ж ему люди-то пишут? Отовсюду пишут, не только из городов.

– Ума у людей нет. И у тебя, Охотин, его нет, – обернулась она к мужу. – Кому ты доверился? Кутеповой?

– Я говорил с Денисовым, – пробормотал директор.

– А он к кому побежит? – усмехнулась Охотина.

Она повернулась к окну, выпустила очередную порцию дыма.

– Или ты забыл, как Кутепова руки тебе выламывала? Как девчонок гробила? Жизнь, она, Охотин, за семнадцать лет не изменилась, и Кутепова не изменилась.

– А я тебе отвечаю, что жизнь изменилась, – решительно вмешалась Лопатина. – У нас новый губернатор.

– Царь новый, да бояре старые...

– А что делать? Проводить выпускной на улице? – спросил Охотин.

– Лишить Лизку праздника? Нет, никто мою девочку не обидит, – заявила Ольга.

– Хорошо. – Лопатина взялась руками за край стола. – Денисов не поможет, губернатор не поможет. Кто поможет?

– Сами себе поможем.

– Это как? – не отставала Ирина Сергеевна.

– Самым простым способом. Быстро и конкретно.

– Дашь взятку? – уставилась на нее Лопатина.

Ольга усмехнулась какой-то совсем уж скверной улыбочкой.

– Именно так. Завтра я съезжу к Гусеву, дам ему денег, и он забудет о нашей школе навсегда.

– А если не забудет? – спросил Охотин.

– Тогда еще дам. Я с проверяющими давно так живу. Главное, не забывать... – Ольга выразительно потерла большой и указательный палец. – Ходил ко мне один: ростик – маленький, носик – пуговкой.

– Пожарный? – уточнил Охотин.

– Да нет, другой. Как придет – глазами по магазину: туда-сюда, туда-сюда. Потом берет свои талмуды и давай меня тиранить: и это не то, и это не так. Достает протокол. А я ему сверху – конверт. И нет протокола.

– Тебя в тюрьму надо посадить, – сердито произнесла Лопатина.

– Это почему? – с интересом спросила Охотина. Она прикрыла окно, подошла к столу.

– Потому что твои конверты и есть главная зараза. Они все разрушают, все государство, – с горячим убеждением начала говорить Лопатина, но Ольга ее перебила.

– А я думаю – наоборот, без моих конвертов в этом государстве ничего не получится. Они его не разрушают, они его скрепляют, и скрепляют лучше твоего губернатора. Потому что решают вопросы. Что для тебя решил твой губернатор?

– Ей крышу в библиотеке надо делать, а то скоро утонет, – вмешался Охотин.

– Отлично, – села Ольга за стол. – Хочешь, Ир, через месяц будет новая крыша?

– Мне от тебя ничего не надо! – Лопатина с шумом поднялась. – Я тебя видеть не могу.

– Дело твое, живи без крыши, – не стала спорить Ольга.

Игорь Игоревич на спорящих не смотрел и гладил ладонями поверхность стола.

– Ночевать не буду, уйду к Никончук, – предупредила Ирина Сергеевна и на прощание грохнула дверями (как без этого).

Оставшись вдвоем, Ольга предложила:

– Выпьем, Охотин? За успех завтрашнего дня.

– Можно, – не очень уверенно ответил директор и пожал плечами: почему не выпить. В свою очередь спросил:

– Ты действительно платишь? Этому, у которого нос пуговицей?

– Уже не плачу. Я его на телефон записала и предупредила: еще раз сунется - сдам в прокуратуру.

Насчет «выпить» Ольга организовала моментально: вино было куплено заранее, на закуску пошли пироги.

– Чего раньше приехала? Дела? – поинтересовался Охотин.

– Магазин собираюсь открывать у нас в райцентре.

– А там не нравится? – спросил Охотин о прежнем месте.

– Почему не нравится? Расширяюсь, завоевываю новые рынки. – Ольга протянула директору рюмку. – Давай, Охотин, по маленькой.

Выпили, закусили.

– Я с магазином давно в район собиралась, свободных площадей не было. А тут позвонила Кутепова, сама предложила помещение. Приезжала ко мне, смотрела цены. Осталась довольной. Утром поеду к ней, будем ставить точку. Я закурю, ничего?

– Кури, – кивнул Охотин. – Какой интерес у Кутеповой к твоему магазину?

– Самый обычный, мзду буду платить. Ежемесячно.

– Взятку?

– Ты что, Охотин, какая взятка? – усмехнулась Ольга и пустила дым в потолок. – Василиса Ильинична денег с меня брать не станет. Прямой путь в прокуратуру, дураку

понятно. Канцтовары буду ей дарить в качестве спонсорской помощи, бумагу, тетради, все такое. А она мою спонсорскую помощь будет по школам распределять. Тебе что-нибудь отколетса.

– Хорошо.

– Что хорошо? – совсем не по-доброму взглянула Охотина, отчего Игорь Игоревич смутился.

– У меня с бумагой напряженка, и тетради не помешают. Можно малообеспеченным раздать, – начал он объяснять.

– Я твоим малообеспеченным сама помогу, – перебила его Охотина. – А Кутепова с Денисовым тебя должны обеспечивать по закону, деньги должны выделять и на бумагу, и на тетради. А они мою спонсорскую помощь будут тебе за соответствующее поведение давать. Станешь слушаться – наградят бумагой, не будешь – посадят на голодный паек.

– У нас этого нет, – начал отпираться Охотин, но и тут Ольга его перебила:

– Мне ваши дела без разницы: нет, так нет, я Кутеповой товар привезу, как хотите, так и делите. Я не об этом с тобой хочу говорить. – Ольга взяла в руки бутылку. – Давай-ка еще выпьем.

– С рисом возьми, они вкуснее, – посоветовал Охотин насчет закуски.

– Подожди ты с пирогами, – отмахнулась от него Ольга.

Она разлила вино по рюмкам, снова выпили.

– Когда Кутепова ко мне приехала, мы с ней тоже посидели, и хорошо посидели, любит Василиса Ильинична коньячок. Разговор зашел о тебе.

– С чего вдруг?

– Не перебивай. Разговор зашел о тебе и Чичериной, она знает о ваших отношениях.

– Что из этого?

– Не нервничай, Охотин, рано пока. Василиса Ильинична просто так ничего говорить не станет. Я думаю, о твоих амурах не случайно разговор зашел, она через меня предупредить тебя хотела.

– О чем?

Ольга не стала спешить с ответом, длинно затянулась.

– Что она тебе сказала? – всерьез забеспокоился Охотин.

– Она сказала, что может разрушить ваши отношения. И сделает это легко, в один миг, у нее есть для этого факты. Связаны эти факты с тобой, Охотин. Что-то ты натворил в прошлом.

Игорь Игоревич побледнел.

– Так что будь осторожней, Василиса Ильинична – известная стерва, и Лену она не простила.

– Семнадцать лет прошло.

– Хоть двести, Кутеповой без разницы. Ей Чичерина на всю жизнь дорогу перешла, обломила путь наверх. Такие вещи не прощают.

– Кутепова сама об этом сказала?

– Намекнула в минуту откровенности. Теперь у вас есть заклятый враг. А врагов где нужно держать? У сердца. Вот и ублажайте Василису Ильиничну вдвоем, чтоб она второй раз вам жизнь не испортила. И стул отремонтируй, в конце концов! Убьюсь когда-нибудь к чертовой матери...

С чего вдруг Ольга набросилась на стул, Охотин не понял, не до этого ему стало после услышанных слов. Остаток вечера он провел в одиночестве на кухне. Он смотрел за окно, где медленно, как положено в конце июня, заканчивался день, полный событий. Каких событий, хороших или плохих, сказать было трудно, потому что оценка этих событий могла меняться, и то, что сегодня казалось хорошим, завтра могло оказаться

плохим, а послезавтра – ужасным. И самое тяжелое состояло в том, что ничего нельзя изменить. Это будущее можно рисовать, как хочешь, а в прошлом что изменишь? Там все, что можно, уже нарисовано: люди, события, поступки. Захочешь что-нибудь стереть, а не получится.

Так и сидел Охотин у окна, провожая день. И честно говоря, новый день ему встречать не хотелось.

.....

«Сегодня – по плану, только по плану». – Охотин стоял на школьном крыльце и вытирал платком вспотевшую шею. Дверь была открыта, в небе сияло солнце, Игорь Игоревич готовился начать рабочий день.

По дороге от дома к школе он понял, почему вчерашние события получились такими путанными и тревожными (не все, конечно...). Все из-за Лопатиной (а из-за кого еще?), именно она навлекла на Охотина неприятности, нарушив безупречный план директора спорами о губернаторе. «Глупыми, глупейшими», – злился Охотин, решительно шагая по дороге и вспоминая разговор с Лопатиной. «Только заикнись о губернаторе, только начни», – сжимал он кулаки.

Но беспокоился Игорь Игоревич напрасно. Сегодня Ирина Сергеевна, хотя и хмурилась, тем не менее была молчалива. Они сидели с Никончук в учительской и пролистывали книги, принесенные Лопатиной из библиотеки.

Игорь Игоревич строгими глазами прочитал цитаты, которые они нашли, одобрительно кивнул. Сзади подошла Синецына.

– Учителя в спортзале ждут, – доложила она бодрым голосом.

– Все? – обернулся Охотин.

– Все.

– Хорошо, – сказал директор и поставил в голове первую галочку: по плану в спортзале должна была начаться генеральная репетиция вечернего выступления.

– А выпускники? – стал он дальше проверять намеченный вчера распорядок.

– Рисуют газету в математике.

И здесь Охотин выразил лицом одобрение: вот именно, в кабинете математики, все как решили. Еще одна галочка.

– Пойдемте в спортзал, – сказал он Синецыной, перевел взгляд на мирно сидящих женщин и нащупал в кармане ключ от??? информатики. В душе все-таки екнуло: ключ ключом, а подруг лучше разделить.

– Евгения Петровна, прошу вас пройти в мой кабинет, – произнес он официальным тоном.

– Зачем? – подняла голову Никончук.

– Должен позвонить Денисов. Как только позвонит – немедленно меня найти. Немедленно, – повторил Охотин.

Никончук (сама скромность) безропотно кивнула.

В спортзале учителя обсуждали «пожарный беспредел».

– Моя знакомая знает этого Гусева, – вспомнил кто-то из педагогов, – он у них в районе начинал, тоже устроил похожий случай. Хотел в одной из школ запретить новогодний праздник.

– Почему?

– Нарушения нашел. Что-то там с огнетушителями, то ли не те купили, то ли не там повесили.

– И что сделали? Не стали проводить?

– Провели. Гусеву пообещали, что елку отменят, а сами тихонько отпраздновали. Главное – договорится с родителями, чтоб молчали.

– Так и надо было сделать, а Охотин всем растрезвонил, – стали ругать директора.

Другие стали его защищать:

– Что ему оставалось делать? Как он замолчит выпускной? У нас медалистка, приедут представители района.

– Можно и без представителей вручить.

– Подпольно? – завелся кто-то из педагогов. – Девка старалась, пятерка к пятерочке, а теперь прятаться? Самим-то не стыдно?

Тут те, кто директора обвинял, махнули рукой: дочь его, пусть сам и решает.

– Кутепова должна помочь, – повернулся разговор к Василисе Ильиничне. И вот что странно: чем дольше говорили, тем больше Кутепова представлялась учителям единственной спасительницей. Нашлось много примеров, когда зам. главы решительно бралась за школьные проблемы (и не только этой школы) и успешно их решала.

– Нет-нет, Кутепова нас не бросит, – убеждали друг друга учителя.

Возможно, в этих словах была попытка взглянуть на Василису Ильиничну с большей объективностью, чем раньше (а раньше доставалось Кутеповой в школе по полной программе, что и говорить). А может быть, учителя, переживая за судьбу выпускного вечера, надеялись, похвалив Кутепову, заранее получить ее поддержку? По принципу: мы ее похвалили – она для нас постарается.

Охотин тоже думал о вечере (О чем он еще мог думать, дожидаясь звонка Денисова?). Больше всего ему хотелось, чтоб вопрос с выпускным решился сам собой, без его участия. Пусть они там, в районе, с кем надо встречаются и договариваются, лишь бы не вспоминали о нем. Охотин чувствовал, что каким-то странным образом вся эта история поворачивается против него, как будто для того она и началась, чтоб не дать ему устроить личную жизнь. Объяснить столь странный выбор судьбы Охотин не мог, помешать – тоже, оставалось одно – спрятаться, нагнуться, чтоб злоключения пронесли мимо...

– Игорь Игоревич, вы меня слышите?

Охотин оторвался от мыслей.

– Что вы говорите? – повернулся он к Сеницыной.

Веронику возмущало отношение учителей к выступлению.

– Они просят сократить роли, говорят, много слов. Но это делать нельзя, исчезнет смысл. Вы должны на них повлиять.

«Повлиять... На что я могу повлиять?» – пожал плечами директор.

– Так вы повлияете? – не отставала Сеницына.

– Хорошо, я повлияю, – устало пообещал Охотин, задержавшись у дверей спортзала. Но обещания выполнить не успел: из коридора его окликнула Никончук.

– Вас Денисов к телефону.

– Начинайте репетировать, сейчас подойду, – негромко произнес директор Сеницыной и отправился на разговор с начальством.

В спортзале Сеницына сразу приступила к делу, зашелестев сценарием.

Учителя молча слушали приготовленные для них древнегреческие страсти и сдержанно зевали.

Никончук с Лопатиной сидели за их спинами и тихо шептались. Точнее, шептала Ирина Сергеевна, а Никончук отвечала короткими словами. Было понятно, что разговор шел не о плакатах.

А в кабинете Охотин слушал Денисова, и с каждой минутой настроение его становилось все хуже.

– С Гусевым не получилось, не дался, – рассказывал Денисов. – Час его уламывал. Как столб стоял, пугал пожарами в других районах.

Охотину не было дела до чужих пожаров.

– Мне-то что делать? Выпускной отменять?

– Подожди паниковать. Я с Кутеповой поговорил, она предложила такой вариант. Торжественную часть проводим на улице. Ты послушай меня, – остановил он директора, собравшегося что-то ответить. – Соберемся на площадке у школы, пусть тесновато, войдем. Я вручу аттестаты, Лизе - медаль, сфотографируемся для газеты, снимок – на первую полосу, чтоб пожарника успокоить, а про ужин напишем, что провели в другом месте. Есть в селе вторая столовая?

– Совхозная, – глухо ответил Охотин.

– Ею и прикроемся, а сами – тихонько в школу и празднуем, водочка-селечка, все, как положено. Твои не выдадут, правильно?

– А если дождь? – думал о линейке Охотин.

– Какой дождь, Игорь Игоревич? Посмотри в окно, ни облачка.

– Вчера тоже с утра ни облачка, а потом два часа без остановки.

– Придется рисковать, а как иначе?

– Может, Кутепова поговорит с Гусевым? Как заместитель главы, – осторожно предложил Охотин.

– Она отказалась.

– Почему?

– Сказала, что не видит смысла, Гусев ей не подчиняется.

Охотин не знал, что еще говорить. В груди безнадежно ныло.

– Но это будет не выпускной. Не тот выпускной, которого ждут.

– Не о том думаешь, Игорь Игоревич. – Голос Денисова зазвучал тише. – Нельзя, чтоб проблема с выпускным вышла за границы села. Линейка на улице – оптимальный вариант, объясни это всем, особенно выпускникам.

«Лиза», – вздрогнул Охотин.

Денисов продолжал говорить, но Охотин его не слышал, мысли директора не успевали за словами начальника.

А в зале ждали Прометея. Роль Охотина была в постановке главной: без слов, написанных для директора, репетировать не получалось.

– Долго будем сидеть? – косились учителя на Синицыну.

Вероника растерянно разводила руками.

– Интересно, что ему говорит Денисов? – спрашивала себя Лопатина и хмурила брови. – Чует мое сердце, ничего у них не получится.

– Не переживай, договорятся, - невозмутимо сказала Евгения Петровна.

К ним подошла вожатая.

– Может, факел принести? – спросила она у Никончук. – Который спрятали...

– Без факела не получится?

– Получится, но не так... – замялась Вероника. – Хочется, чтоб был огонь знаний.

Игорь Игоревич должен предавать его выпускникам. А если огня нет, что тогда предавать?

– Действительно, предавать нечего, – согласилась Никончук. – В служебном туалете твой факел, за швабрами.

Синицына ускоренным шагом покинула спортзал.

– Зачем тебе факел? – недовольно покосилась Лопатина на подругу.

– Запалю в знак протеста, если с выпускным не выгорит, – невозмутимо произнесла Никончук.

Ирина Сергеевна запыхтела.

– Все шуточки? Дошутишься, подожди...

– Мы начнем репетировать или нет? – вылетело у кого-то в сердцах.

Народ дружно заворчал.

– Уже идут, – раздался голос.

Все прислушались: так и есть, шаги в коридоре. Учителя повернулись к дверям, надеясь наконец-то увидеть директора и вожатую. Но в зал вошел один Охотин, и не просто вошел. По убитому виду директора учителя догадались: древнегреческие страсти кончились, начинаются свои.

В полной тишине Охотин сообщил о праздничной линейке на улице.

– Там трава не скошена, – раздался голос.

– Скосим.

– И места нет, – напомнили директору.

– Войдем.

– А Древняя Греция? – растерянно произнесла Синицына, возникшая за спиной директора.

– Не будет Древней Греции. Вручим аттестаты, поздравим, и все, – ответил Охотин и внутренне подобрался: он увидел глаза Лопатиной. И тут же услышал:

– Трус.

Игорь Игоревич не ответил, медленно развернулся и вышел из зала.

– Ты чего? При всех... – зашептала Никончук.

– Так и надо. Именно так! Нам в лицо плюют, а мы спасибо говорим. – Лопатина с шумом поднялась. Брови были сведены черной полосой, глаза сверкали. – Я говорила тебе, надо выходить в Интернет, говорила?! – нависла она над Никончук. – А ты: нет ключа, нет ключа... Что теперь делать?

– Но ключа-то нет, – попыталась напомнить Евгения Петровна.

– Дверь могли сломать, не велика ценность.

– А потом?

– Потом пусть читают, пусть все читают! – кипела Лопатина.

– Губернатор не приедет, чудес не бывает.

– Знаю, что не приедет, но они могли испугаться, они не посмели бы так... – Лопатина от возмущения не находила слов. – Неужели вы не видите, что они с нами делают?! – повернулась она к учителям. – Они же за людей нас не считают. Захотели - и отменили вечер, выгнали на улицу. Своих детей они станут выгонять на улицу?!

Возмущение Лопатиной все больше обретало привычный вселенский масштаб. Но если Ирину Сергеевну подобный масштаб вдохновлял, позволяя, как говорится, «расправлять крылья», то для учителей он был явно тяжеловат. Поэтому праведный гнев Ирины Сергеевны оставался неподхваченным, а самих педработников тянуло к дверям. За дверями их ждали заботы: обеды, грядки, не сложенные дрова. Почувствовав общее настроение, Лопатина в последний раз сверкнула глазами и грохнулась на стул.

– А факел? Обрато в туалет? – напомнила о себе Синицына.

Никончук посмотрела на факел.

– Прибери к стеночке, поди пригодится.

– Зачем?

– Устроим публичное сожжение.

– Кого? – заморгала Синицына.

– Справедливости...

Какое-то время в зале молчали.

– По прогнозу с обеда дождь, - произнесла Чичерина.

– Нам бы буря не помешала, чтоб мозги прочистить, – взглянула на нее Лопатина.

– Дождемся и бури, – пообещала Елена Андреевна и поднялась. – Осталось решить, кто обрадует выпускников?

.....

Бедный, бедный Охотин, может подумать сейчас читатель, вот сидит он в своем кабинете, немолодой, неспортивный, в заношенном пиджачке, смотрит на телефон и ждет чуда. И ошибется читатель: Игорь Игоревич, хоть и находился в своем кабинете, за столом не сидел, на телефон не смотрел и чуда не ждал. Он нервно вышагивал из угла в угол, и пиджака на нем не было – лежал пиджак на стуле, брошенный туда таким же нервным движением. Губы директора беззвучно шевелились, брови сходились и расходились, руки что-то такое отмеривали: Охотин сочинял речь. Да-да, именно речь, которую он собирался сказать на линейке и в которой хотел объяснить всем, и прежде всего выпускникам, что он не трус, потому что умение находить компромиссы – это не трусость, это ответственность. И что иногда приходится жертвовать частью, чтоб сохранить целое. И что быть взрослым – это не значит скандалить, устраивать провокации и бросать обвинения, а совсем другое. Много чего еще кипело в мыслях директора и просилось в речь, звонкие фразы рождались одна за другой. Игорь Игоревич и подозревать не мог в себе подобного таланта оратора. Главное, он не оправдывался, вот ведь в чем дело, он наступал, словно кто-то проснулся внутри него и подгонял, подгонял одним и тем же утверждением: ты не мог поступить по-другому, и потому ты поступил правильно.

«Да-да, именно так», – кивал сам себе директор. Он увлекался речью, крутил ее в голове, добавлял слова, которые были точнее прежних, отчего сама речь становилась точнее и говорить ее становилось легче. И то, что стояло за речью, тоже становилось легче, вся эта история с выпускным вечером. И беда, что связывалась с вечером, переставала быть бедой, растекаясь по придуманным словам и растворяясь в них. Казалось, еще один круг по кабинету, еще одно предложение, последний аргумент – и вернется долгожданная гармония, чтоб дальше уже не беспокоиться, а просто ждать Денисова, приготовив «водочку-селедочку», если бы вдруг сердце директора не защемило и вся его словесная конструкция не рухнула в один миг. Игорь Игоревич услышал в коридоре шаги, он их узнал: по коридору шла Лиза, она шла к нему.

«У меня не было другого выхода», – все, что осталось в этот миг в голове Охотина. Но именно эту фразу, короткую и простую, оставшуюся, когда исчезло все остальное, отец не мог сказать дочери. Какой он, к черту, отец, если не может найти выход?

Охотин накинул пиджак, тихо подошел к двери и закрыл ее на ключ. Потом вернулся за стол, сел к телефону и стал ждать чуда: немолодой, неспортивный, в заношенном пиджаке.

А с другой стороны дверей стояла Лиза Охотина. Она дернула дверь за ручку, нахмурилась, снова дернула, подождала и пошла обратно.

Из кабинета литературы навстречу Лизе вышла Елена Андреевна. Они остановились друг против друга.

- Вы хотите, чтоб я зашла?
- Если у тебя есть время.
- У нас теперь у всех есть время. Выпускного не будет.
- Это они так решили, в своих кабинетах. А теперь должны решить вы.
- Мы можем что-то решить?
- Я думаю, да.
- Бросьте, кто нам позволит.
- Почему должен кто-то позволять? Вы хотите взять чужое? Вы хотите, чтоб не отнимали ваше, ваш вечер, чтоб дали возможность провести его по-человечески.

Лиза молчала.

– Легче всего думать, что ты ничего не решаешь, и отойти в сторону. Просто отойти один раз и думать, что не было выхода. Но именно здесь нас ловят и делают ручными.

– Что значит – ручными?

– Когда питаешься с чужих рук.

– Это вы об отце? Я не хочу о нем говорить. Он обманул меня. Он лишил меня выпускного.

– Разве он лишил тебя выпускного? – спросила Елена Андреевна.

Лиза подняла на учительницу глаза.

– Он закрылся в кабинете, не открыл мне дверь.

– Знаю.

– Он понял, что я к нему приду, и закрылся.

– Знаю, – повторила Елена Андреевна.

– Он трус?

– Нет.

– Но его так называли. Называли при всех, и он не ответил.

– Он не мог ответить.

– Почему?

– Потому что не все можно сказать вслух.

Лиза смотрела на учительницу немигающими глазами.

Елена Андреевна сделала шаг в сторону, открыла дверь в кабинет, и Лиза вошла. В кабинете она прошла к дальнему окну, Елена Андреевна – к столу учителя.

– Твой отец приехал в село, когда мне было шестнадцать. Мне казалось, он лучший учитель на свете, хотя сейчас понимаю, что это не так. Твой отец легко увлекался на уроках. Ему задавали вопрос, и он мог отвечать на него до звонка. А программу надо было выполнять... – Глаза Елены Андреевны дрогнули, что-то заметив в лице ученицы, рука поднялась к виску. – Может, я говорю лишнее, Лиза, но я хочу, чтоб ты нас поняла, меня и отца...

Елена Андреевна подошла к дальнему от Лизы окну.

– Был школьный Новый год, твой отец готовил представление, а мы его сорвали, не выучили слова. Страшного ничего не случилось, а он расстроился, ушел домой. Я решила извиниться за всех, пришла к нему, и он пригласил меня зайти.

– Зачем?

– Посидеть.

– Просто посидеть?

– Просто посидеть. Мы пили чай, твой отец рассказал об институте. Он умел рассказывать. В конце он обратился с просьбой, ему надо было уезжать домой, а в подполе хранилась картошка. Чтоб не замерзла, надо было кому-то топить печь. Он предложил, я согласилась. А когда вернулся, купил мне торт.

– Вы стали встречаться?

– Не сразу. Он был учитель, я – ученица.

– Но вас это не остановило, – сказала Лиза и усмехнулась. Отстраненно усмехнулась, нехорошо. Но голос Елены Андреевны не изменился.

– Не меня – его. Встречи назначал он. Хотя в этой ситуации он мог потерять больше, чем я.

– И что дальше?

– Дальше? Дальше нас решили отправить на ферму. Целый класс.

– Как это – на ферму?

– Такие были времена, приходилось спасать продовольственную программу.

– А вы не хотели спасать? – Лиза снова усмехнулась.

– Дело не в этом.
– А в чем?
– Мы хотели сказать только то, что у нас есть права, в том числе право самим решать, где жить и чем заниматься.
– И вас за это наказали, – Лиза смотрела на учительницу, взгляд ее не менялся.
– Мы сами себя наказали.
– Почему?
– Потому что о правах нужно не только говорить, за права нужно бороться. Иначе сегодня у тебя отберут выпускной, а завтра – половину жизни.
– У вас тоже не было выпускного?
– Не было. Нас объявили вне закона.
Теперь уже усмехнулась Чичерина, но ученица этого не заметила.
– Отец мог вам помочь? – спросила она.
– Мог, но его отправили на учебу на две недели.
– И что? Он же вернулся через две недели.
– Когда он вернулся, он никого не застал. Мы все разъехались.
– И вы с ним больше не встречались?
– Нет. Потом, позже, когда обида прошла, я хотела встретиться, но не смогла.
– Почему?
– В истории появился новый герой.
– Кто?
– Ты.
Лиза повернулась к окну. Какое-то время они молчали.
– Вы хотите еще что-то сказать? – спросила ученица.
– Сегодня твоему отцу тяжелей всех, потому что это твой выпускной, а он директор школы. Ты должна ему помочь.
– Я? – развернулась Лиза к Чичериной
– Именно ты. Потому что ты – главное, что у него есть, без тебя ему не выжить.
– А без вас?
– Это вопрос не мне.
Ученица снова какое-то время молчала.
– Вы любили моего отца? – негромко спросила она.
– Я и сейчас его люблю.
Выпускница в последний раз взглянула на учительницу. Что там возникло, в ее глазах, Елена Андреевна разглядеть не успела. Но что-то там точно возникло.

.....

Через час после звонка Денисова (или чуть больше) Охотин отправился домой. Он решил, что к этому времени выпускники из школы уйдут, и вышел из кабинета. Так и получилось, Игорь Игоревич не ошибся, учеников в школе не было.

Охотин зашел в столовую, отдал распоряжения насчет ужина («Все сделаем», – пообещали повара), нашел завхоза.

– Ничего, Егорыч (так его называл завхоз), обойдется. Площадку окосим, станет шире. Как-нибудь уместимся.

– Мусор надо убрать.

– Убрали. Траву загребем - и порядок.

«Какой тут порядок», – вздохнул директор.

– Дождь может начаться, – произнес он невесело.

– Не запретишь, природа. Пустят в школу-то, если дождь?

– Не знаю. Может, и пустят.

– Пустят, куда денутся...

Напоследок директор отыскал Сеницыну.

– Линейку сократите, неудобно будет на улице, – напомнил он еще раз.

– Денисову слово давать сразу после вас?

Охотин пожал плечами.

– Нет, давайте передо мной.

– Но всегда первым были вы.

– Сегодня пусть будет Денисов...

Домой Охотин шел проулками и никого не встретил.

Дом был пуст. Игорь Игоревич включил телевизор, сел на диван. По телевизору показывали белых акул. Ученые пытались понять, могут ли они думать.

«Зачем им думать? При таких зубах... Хватай, кого догонишь, и ешь», – думал Охотин.

После акул показывали заброшенные города Южной Америки и объясняли, почему глобальное потепление неизбежно.

Про Южную Америку Игорь Игоревич все понял, про потепление не успел, в дверь забарабанили.

На крыльце стоял Денисов. Он был возбужден и напомнил Охотину белую акулу, из начинающих.

– Ну что, директор, засветился на область? – стремительно произнес Денисов, приняв руку Охотина.

– Что случилось? – встревожился Игорь Игоревич.

– Полный абзац. – Денисов вошел в дом. – На сайте губернатора появилось сообщения о твоей школе. В подробностях, и про Гусева, и про вечер, и про меня.

– А про вас что?

Денисов попросил воды.

– Написали, что бросил школу на произвол судьбы, не стал защищать выпускников.

– Кутепова знает?

– Она мне и сообщила.

– И что? – притих Охотин.

– Что, что... – Денисов поставил пустой стакан на тумбочку и неожиданно для Охотина улыбнулся. – Василиса Ильинична в мате, рвет и мечет. Старушку можно понять. Губернатор в тридцати километрах, а тут такая новость.

Игорь Игоревич опустил на скамейку, там, где раньше чистил ботинки обувной губкой.

– Что сейчас будет? – спросил он.

Денисов взглянул ободряюще.

– Не трус, Игорь Игоревич, ситуация под контролем. Кутепова, куда надо, позвонила, доложила, что проблема решена.

– А губернатор?

– Какой губернатор, чего смеяться? Он и не читал о твоей школе. У него в голове областное совещание, ему не до пустяков.

– Значит, все по-старому?

– Нет, не по-старому. Новость – в Интернете, никуда не денешься, такие вещи Кутепова не прощает. Так что готовься к разбору полетов. Кутепова намерена провести с тобой встречу по этому, как она сказала, вопиющему факту.

– Когда?

– Сейчас. Не строй удивленное лицо. Василиса Ильинична в селе и Гусева с собой привезла.

– Зачем? Мы же согласились с его требованиями, – насторожился директор.

– Для отчета, Василиса Ильинична любит все обставлять солидно. Вопрос связан с пожарной безопасностью, так? Вот вам, пожалуйста, и пожарный инспектор, все по закону. Да ты не умирай раньше времени. – Денисов хлопнул Охотина по плечу. – Тебе приезд пожарника на руку. Я уверен, она уговорит его провести вечер в школе.

– Да? – с надеждой произнес Охотин (вот оно, чудо!) и начал подниматься.

– Уверен, – повторил Денисов. – Кутеповой о твоей школе главам придется докладывать, ей пример собственной успешности вот так нужен. – Юрий Викторович поднес ладонь к горлу. – Скажет, приехала, разобралась и все решила. И все поймут, без Кутеповой – никуда.

– А Гусев?

– Прижмет, не беспокойся, ради такой цели – прижмет. Ты мне вот что скажи. Кто мог отправить сообщение? Учительница информатики могла?

– Ключ от кабинета у меня. В смысле, в школе.

– В твоём кабинете?

– Ну да... – неуверенно ответил Охотин.

– А если был второй ключ?

– Не знаю, – растерялся Игорь Игоревич, – Никончук бы сказала. Она меня не обманывала.

– Никогда?

– Если по мелочам.

– Сначала по мелочам, потом по-крупному, в этом деле только начать. Ничего, Кутепова разберется. – Денисов сверил свои часы с теми, что висели у Охотина в прихожей. – Пора, начальство ждать не любит. В школе я уже был, велел завхозу найти Никончук, пусть идет в библиотеку.

– Зачем в библиотеку?

– На совещание.

– Почему не в школе?

– Кутепова не хочет идти в школу, встреча с учителями пока нецелесообразна, – повторил он ее интонацию. – Ключ от библиотеки у кого?

– У Лопатиной, но она сейчас в отпуске. А запасной ключ здесь.

– В доме?

– Да, Лопатина хранит его дома. Взять?

– Бери, – кивнул Денисов. – Когда начнем совещание, помалкивай, пусть Кутепова говорит. Ей нужна жертва. Ты – само собой, раз директор, тебе первому прилетит по шапке. Не спорь, соглашайся, проморгал так проморгал, со всяким бывает, покаешься. Кутепова тебя до смерти бить не будет, так, профилактическая порка. Под нож пойдет учительница информатики, она все равно к этому делу причастна. Компьютеры ее, правильно?

Охотин поежился, представив, как Никончук «пойдет» под нож Кутеповой.

– Все беды от них, – вздохнул он, надевая ботинки.

– От кого?

– От компьютеров...

Через десять минут они подошли к библиотеке. Кутепова и Гусев стояли возле забора. Тут же блестела машина Денисова.

Внешний вид Василисы Ильиничны отличался монументальностью: черные волосы, сцепленные хитрыми пластмассовыми приспособлениями, сухие глаза, неторопливые движения. На фоне ее монументальности Гусев совсем не смотрелся,

держался от Кутеповой на отдалении и поглядывал на подошедших мужчин холодными глазами.

Охотин внутренне подобрался: разговор будет нелегким.

– Вот, Василиса Ильинична... – Денисов показал рукой на директора, – пришли.

Денисов изменился, сейчас он не выглядел столь энергичным, каким казался в прихожей Охотина. На лице то появлялась, то исчезала неясная улыбка, словно намекая Кутеповой на что-то, заранее обговоренное.

Василиса Ильинична прищурилась на директора, основательно его осмотрела.

– Допрыгались, жалобщики? – не здороваясь, задала она вопрос.

«Куда допрыгались?» – не понял Охотин.

– Выяснили, кто вышел в Интернет? – Кутепова выжидающе уставилась на Денисова.

– Как вы предполагали, учительница информатики Никончук.

– Директор это подтверждает?

Охотин молчал и мял в руках вынутый платок.

– Не надо прикрывать безответственных работников, – начальственным голосом произнесла Кутепова. – Если данный факт подтвердится, учительница должна быть убрана из школы. Подобных субъектов нельзя пускать к детям.

Охотин нервным движением вытер щеки платком.

– Я должен объяснить... – попытался он сказать, но Кутепова его перебила.

– Не просто объясните, а напишите объяснительную, в подробностях. Мы для этого вас и вызвали – подвести черту.

– Какую черту? – почувствовал слабость Охотин.

– Окончательную. – Василиса Ильинична неодобрительно взглянула на директора и обратилась к Денисову. – Открывайте помещение.

В читальном зале библиотеки, где день назад вспоминалось прошлое, в том числе и самой Василисы Ильиничны, зам. главы подставила стул ближе к столу, неторопливо вынула из футляра очки, водрузила их на нос и достала из кармана сложенный вчетверо листок.

Гусев сел на второй стул у дверей и по большей части смотрел себе под ноги.

Денисов и Охотин остались стоять (Охотин впереди, Денисов – за ним).

Пробежав по листку глазами, Кутепова подняла голову и через очки посмотрела на притихшего директора.

– Сами-то смотрели Интернет?

– Нет, – признался директор.

– Познакомьтесь, – сказала Василиса Ильинична и протянула Охотину листок. – То, что о нас с вами пишут.

Игорь Игоревич сунул платок в карман и взялся за бумагу. Текст был небольшой, три абзаца, но читать его было трудно: строчки прыгали.

– Как вы объясните, что именно в вашей школе произошел данный инцидент?

Охотин пожал плечами.

– Не знаю.

– А я знаю. – Кутепова забрала листок обратно. – Вы не управляете школой. А вы, Юрий Викторович, недостаточно управляете образованием в районе.

Денисов потер висок.

– Вы, Игорь Игоревич, знали, что Никончук собирается выходить в Интернет? Она вела при вас подобные разговоры? – строго смотрела Кутепова.

– Какие разговоры? – дрогнул голосом покрасневший от чрезмерного волнения директор.

– Провокационные. Прошу говорить правду.

Охотин покраснел еще больше.

Вперед вышел Денисов.

– Василиса Ильинична, директор ничего не знал.

– Я ничего не знал, – торопливо повторил Охотин.

– Да? – не отрывала взгляда Кутепова. Стекла очков недобро посверкивали. Все ждали приговора, но, к удивлению всех, приговора не последовало.

– Я сама не верила, чтоб директор в этом участвовал, – произнесла Василиса Ильинична снисходительно и вдобавок улыбнулась. – Я давно вас знаю, Игорь Игоревич, как порядочного человека. – Кутепова улыбалась Охотину, но прежнего взгляда не отводила, как бы желая еще немного, напоследок, поддержать его в напряжении. – Поэтому вам, как и мне, неприятна эта ситуация. Вас тоже обманули. Сделаем так. Вы сейчас идете в школу, садитесь к компьютеру и отправляете на сайт к губернатору информацию о том, что первое сообщение – ложь и провокация, выпускной вечер пройдет в штатном режиме, а учительницу Никончук вы намерены уволить за нарушение трудовой дисциплины.

– Если это не она? – негромко спросил Охотин.

– А кто? – приподняла брови Кутепова. – Кто-то же это сделал? Пусть не прямо Никончук, но она содействовала.

– Как она могла содействовать? – еще тише спросил Охотин.

Василиса Ильинична вопрос услышала. Лицо ее дрогнуло.

– Мы у нее самой спросим, Никончук должна появиться, – поспешил сообщить Денисов.

– С каждого спросим, – строго сказала Кутепова. – И с учительницы, и с директора, и с начальника управления образования. Будем считать этот вопрос решенным. Теперь поговорим о вечере.

Гусев не двигался.

– Слово за вами, Андрей Иванович, – сказал Кутепова.

– Какое слово? – не поднимал голову инспектор.

– Ну как какое? Нужно разрешить провести выпускной вечер в школе. Считайте это моей личной просьбой.

– В школе нарушения, – хмуро взглянул на нее инспектор.

– Никто с этим не спорит, правила нарушены, но вы же видите, какой накал страстей. Вам мало одного обращения к губернатору? Если ситуация не успокоится, вам придется отвечать.

– За что?

– За то, что не встретились с коллективом, не объяснили свою позицию.

– Я говорил с директором. Он не просил меня встречаться с учителями.

– Сами могли догадаться. Я тоже не понимаю, почему целый год не говорили об этой...

– О группе огнестойкости, – подсказал Денисов.

– Да, о ней, – недовольно кивнула Кутепова. – Год молчали, а когда подошел выпускной – заговорили. Кому понравится?

– Цена вопроса – один день, – подсказал Денисов.

Гусев встал.

– Насколько я знаю, год назад в районе была принята программа пожарной безопасности, и там все прописано...

Охотин взглянул на Кутепову, и ему показалось, что зам. главы смотрит на пожарного так, словно тот заговорил о вещах, о которых говорить не следовало. Хорошо это было или плохо, он понять не успел: снизу раздали торопливые шаги, и через пару минут в читальный зал вошла Лопатина. Лицо Ирины Сергеевны напоминало восковую

маску. Она обвела присутствующих недобрым взглядом, остановилась на инспекторе и задала вопрос, который совершенно не вписывался в тему совещания:

– У вас самого дети есть?

.....

– Это вы про что? – Василиса Ильинична недовольно смотрела на библиотекаря. – Вы зачем сюда пришли?

– Я здесь работаю.

– Знаю, что работаете. Но у нас совещание. Вас приглашали на совещание?

– Не приглашали, – ответил за нее Денисов. – Мы Никончук приглашали.

– Никончук прийти не может. За нее буду я, – твердо сказала Лопатина.

– А вы нам зачем? – спросила Василиса Ильинична.

– Хочу обратиться к пожарному.

– Не пожарному, а инспектору пожарного надзора. Зовут его Андрей Иванович, так и обращайтесь, – сделала замечание Кутепова.

Лопатина шумно вдохнула.

– Хорошо, пусть Андрей Иванович. Теперь я могу говорить?

– О чем вы собираетесь говорить? – не торопилась с ответом Кутепова. – Мы обсуждаем серьезный вопрос, нам отвлекаться некогда.

– Я буду говорить о выпускном, и вы мне не запретите.

– Могу запретить, – сказала Василиса Ильинична, – но не буду. Говорите.

– Я хочу заступиться за выпускников. – Лопатина повернулась к инспектору. – То, что вы делаете, Андрей Иванович, совершенно несправедливо. Совершенно! Вы слышите? Я согласна, нарушения пожарной безопасности есть. Но где их нет? В этой библиотеке их море, но нас вы не закрываете, а выпускной закрыли. Кому вы еще закрыли выпускной? Хотя бы в районе, кому еще? Получается, в других школах можно, а в этой школе нельзя? А если у людей от выпускного жизнь зависит?

– Глупости, – не выдержал Денисов.

– Не глупости! – взвилась Ирина Сергеевна. – Начало жизни должно быть светлым, а мы чему их учим? Выворачиваться? Они что, преступники? Додумались - тайный ужин проводить. Потом придумаете аттестаты подпольно выдавать. Они заслужили праздник, и мы должны его обеспечить! Разве можно так с детьми? Пожарная служба, она что, не для детей? Или против детей?! – Лопатина не в силах была сдерживать волнение.

– Вас как зовут? Кажется, Ирина Сергеевна? – улыбнулась ей Кутепова. – Вы успокойтесь прежде всего, Ирина Сергеевна. И садитесь. – Дождавшись, когда Лопатина опустилась на стул, Кутепова продолжила. – Ваше негодование понятно, но мы обо всем договорились. Выпускной будет такой, какой вы хотели, – в школе, в спортивном зале, с линейкой и ужином. У вас, кажется, спектакль готовился? – спросила она у Охотина.

– Небольшой. Но мы не успели отрепетировать, – сказал Охотин.

– Посмотрим в сокращенном варианте. Я сама посмотрю.

– Подождите, – подозрительно сказала Лопатина. – Выпускной разрешили? Именно в школе?

– Вы не верите власти, Ирина Сергеевна, – покачала головой Кутепова. – Зря. Это ваша власть, и ей нужно доверять. Учительница Никончук тоже нам не верила, а теперь попала в некрасивую историю.

– Какую? – Лопатина перевела непонимающий взгляд на Охотина.

Кутепова сложила пальцы в замок, хрустнула и улыбнулась.

– Я вам объясню. Учительница Никончук сегодня днем вышла в Интернет и сообщила на сайт губернатору, что пожарные и районная власть не дают проводить

выпускной вечер. А выпускной вечер разрешен, и в полном объеме. Через Интернет Игорь Игоревич даст опровержение, и все узнают, кто такая учительница Никончук.

Ирина Сергеевна оторопела.

– Но Никончук не выходила в Интернет, – сказала она, – даже не хотела.

– Почему вы так уверены? – спросила Кутепова.

– Потому что это я хотела выйти в Интернет и сообщить губернатору о выпускном.

А Никончук меня отговаривала.

– Кто это может подтвердить? – спросила Кутепова.

– Игорь Игоревич может подтвердить.

– Неужели? – подняла брови Кутепова.

– Я ему об этом весь день вчера говорила.

– А нам директор сказал, что никто ему про Интернет не говорил. – Кутепова во второй раз хрустнула пальцами.

Охотин снова достал платок и вытер шею.

– Душно, – сказал Денисов и открыл окно.

– Если это не учитель информатики, про кого мы будем писать в Интернете? – прозвучал вопрос Кутеповой.

– Ни про кого мы писать в Интернете не будем, – неожиданно для всех сказал Гусев и встал.

– Почему? – спросила Кутепова.

– Потому что я не разрешаю проводить выпускной вечер в школе.

Денисов, Охотин и Лопатина почти одновременно повернулись к инспектору.

Кутепова пожевала губами, подождала, не будет ли сказано еще что-нибудь еще, и спросила:

– Вы мою просьбу слышали?

– Не только вашу. Мне утром за разрешение провести выпускной в школе деньги предлагали. Сейчас хотят злодеем представить. И все равно не разрешу. Вы где хотели линейку проводить? – обратился он к Охотину. – На улице? Вот и проводите. И ужин в школьной столовой тоже проводить не разрешу. – Гусев устремил на Лопатину неподвижные глаза, мотнул подбородком. – А пожарная служба для детей, и наши правила для детей.

– Я не против ваших правил, – смотрела в ответ Лопатина. – Но в этих правилах записано, чтоб выпускников гнать на улицу? Записано?

– Есть особые ситуации, – поддержал ее Денисов. – У людей выпускной - событие раз в жизни. Почему нельзя договориться?

– Как с вами договариваться, если вы нас за людей не считаете?

– Почему не считаем?

– Потому что обманываете.

– Кто вас обманывает?

– Вы лично, начальник управления образования. Вы мне утром что говорили? Ужин – в совхозной столовой, а совхозная столовая сегодня не работает, я узнавал. Значит, пойдете в школьную. Зачем обманывать, объясните? – Денисов молчал. – Не получается обмануть - пытаетесь купить, не получается купить – пытаетесь властью давить. Зачем? Мы что, враги? Всего-то надо понять – есть правила, обязательные для выполнения. Обязательные - и все, без отступлений. Потому что это безопасность, отступать нельзя. Люди гибнут, неужели не понятно?

– Вы нам прописных истин не говорите. Вы скажите, где нам деньги найти на ваши правила? – без прежнего дружелюбия спросила Кутепова. – Одним сигнализацию подавай, другим свалку обустрой.

– Если не можете обеспечить безопасность, уходите. Придут те, кто смогут ее обеспечить.

Денисов взглянул на Кутепову: лицо Василисы Ильиничны застыло.

– Сидим, гадаем, как перед губернатором себя показать... – продолжал говорить инспектор, но уже не так громко. – Разве об этом надо думать? Почему у вас директор школы ничего не знает о группах огнестойкости? Элементарных знаний не имеет. Год назад требования были известны, что мешало хотя бы научить людей разбираться? Или сделать смету. Вы к ней даже не приступали, а без сметы никаких денег из области не получить. На что вы рассчитываете? Взять меня в сентябре за горло и заставить подписывать школу с закрытыми глазами?

– Это вы нас берете за горло, – сказал Денисов. – Новокшонов никогда так не поступал, он пытался понять ситуацию.

– Потому у вас и нет в районе программы пожарной безопасности.

– Неправда, есть, – сказала Кутепова.

– Только на бумаге.

– Нет, не на бумаге. Программа выполняется, – упрямо твердила Кутепова.

– По программе к июлю во всех библиотеках должна быть установлена пожарная сигнализация. Где она здесь, покажите? А если я закрою завтра библиотеку, вы скажете, что я лишаю детей детства, оставляю без книг.

– Сигнализацию в библиотеках мы поставим до конца года, – произнесла Кутепова.

– Почему надо тянуть до конца года?

– Потому что сейчас на программу нет денег.

– На все остальное деньги находятся.

– На что конкретно?

Пожарный отвечать не стал, сел на прежнее место и уткнулся глазами в пол.

– Что теперь? – глядела то на него, то на Кутепову Лопатина. – Выпускной будет?

– В школе – нет, – негромко, но твердо сказал Гусев.

– Потому что обманываем? – спросила его Кутепова.

– Именно поэтому. Так вас и надо учить.

– Кого надо учить, мы выясним на другом уровне, – пообещала Кутепова.

Гусев в ответ ничего говорить не стал.

– К нам еще гости, – сообщил Денисов, рассматривая улицу.

– Кто? – повернулась к окну Василиса Ильинична.

– Учительница Чичерина.

У Охотина екнуло сердце.

– Точно к нам? – нахмурилась Кутепова.

– Сейчас проверим, – сказал Денисов.

Все уставились на дверь.

Дверь открылась, и в читальный зал вошла Елена Андреевна. Она была спокойна, но это было такое спокойствие, от которого у Охотина все внутри похолодело, и пульс удвоился или даже утроился. Так ему, во всяком случае, показалось.

– Что случилось? – спросил он первым.

– Выпускники закрылись в школе. Они сказали, что не откроют дверь, пока к ним на выпускной не приедет губернатор.

– Это как понимать? – спросила Кутепова.

– Так и понимайте. Пока губернатор не появится в селе, они из школы не выйдут.

Охотин смотрел на Чичерину и ничего не мог понять. И не потому, что новость, принесенная учительницей, была сама по себе невероятной. Еще больше изумляло отношение Чичериной к поступку выпускников. Он видел, что учительница несколько не переживала и (точно, точно!) глаза у нее были веселыми.

– И они сообщили об этом в Интернет? – догадалась Кутепова.
– Естественно, – сказала Чичерина.
Василиса Ильинична подозвала Денисова.
– Внизу есть телефон. Позвони и узнай. Быстро.
Денисов вышел, Кутепова какое-то время молчала, молчали и остальные. Потом Василиса Ильинична обратилась к Чичериной:
– Первое сообщение отправили выпускники?
– Выпускники.
– Но кто-то их организовал, правильно? Кто-то все это для них придумал. Вы не знаете, Елена Андреевна, кто это мог быть?
– Я сказала, это были выпускники.
– У выпускников был лидер. В таких делах обязательно есть лидер. У вас он тоже был, Елена Андреевна, помните? Когда вы против района пошли... – Кутепова усмехнулась. – Насколько помню, этим лидером были вы. А сейчас кто?
В читальном зале появился Денисов. Он подошел к Кутеповой и протянул ей листок бумаги.
Василиса Ильинична прочитала, сняла очки.
– Вот и открылось. Если первое сообщение в Интернете было анонимным, второе подписано. – Василиса Ильинична показала листок собравшимся. – Пожалуйста, подписано Елизаветой Охотиной, вашей дочерью, Игорь Игоревич. Приглашает губернатора, чтобы сказать ему ответное слово выпускников.
– Что мне делать? – совсем растерялся Охотин.
– Все просто, – ответила Кутепова. – Отправляйтесь в школу, встречаетесь с протестной группой, как они себя называют, и говорите, чтобы писали новое сообщение.
– Какое?
– Сами не понимаете? Пусть пишут, что это была идиотская шутка.
– Этого нельзя делать, – вмешалась Чичерина.
– Почему?
– Они нам этого не простят.
– Лучше надо было воспитывать. И с какой стати вы их защищаете?
– Я их учитель.
Кутепова смотрела на Чичерину, глаза ее были прищурены.
– Вы не учитель, вы провокатор, – сказала она. – Вы это все организовали. Я отвечу, почему. Вы хотите отомстить за прошлое. Вам нужна провокация, чтобы показать беспомощность местной власти, чтобы ее очернить. Но вы ошиблись, власть не беспомощна и шантажировать себя не даст.
Кутепова повернулась к Денисову.
– Юрий Викторович, вы идете в школу с директором и предупреждаете Охотину: если она не опровергнет свое требование в Интернете, останется без медали, а ее отец – без работы.
– На каком основании? – спросила Чичерина.
– На том основании, что я несу ответственность за все, что происходит в районе, и за ту вакханалию, которую пытаются здесь начать. Не выйдет! – Кутепова выпрямилась, голос лязгнул сталью. – Чего стоим? Распоряжение слышали?
По читальному залу расплзлась оловянная тяжесть. Неизвестно, могли ли это чувствовать другие, но Охотина эта тяжесть буквально пригibasла к земле.
Денисов бросил взгляд на директора, на Кутепову, откашлялся.
– Надо идти, Игорь Игоревич.
Охотин не ответил.
– Надо идти, – повторил Денисов.

Игорь Игоревич поднял на него глаза.

– За что?

– В смысле? – не понял Денисов.

– За что? – повторил директор и посмотрел на Кутепову.

.....

За сорок лет трудовой деятельности (это если считать пионерский лагерь) Василиса Ильинична ни разу не усомнилась в своих способностях управленца. «Дожать» проблему, какой бы трудной она ни казалась, было для нее делом привычным, как и стоять на своем. «Легче Уральские горы свернуть», – говорили про Кутепову сослуживцы. Василиса Ильинична об этих словах знала, и они ее радовали. «Твердость, твердость и еще раз твердость», – убеждала она себя заученной с детства формулой. Не было обстоятельств, перед которыми она пасовала, не было вопросов, на которые не знала ответов. Она могла ответить даже на те вопросы, которые задавали не ей. Но сейчас Василиса Ильинична молчала, хотя знала, что сказать Охотину (вопрос-то был копеечный). Но все-таки молчала, поскольку была неглупой и видела – ее слова никого не интересуют. После вопроса Охотина она словно исчезла из читального зала, все смотрели не на нее, а на директора, и так смотрели, будто решили, не сговариваясь: все, что произойдет дальше, будет зависеть от него.

Кутепова тоже на Охотина поглядывала. Первое, что приходило на ум, – Охотин не в себе. Вид у Игоря Игоревича был и в самом деле отчаянный: глаза блуждали, на лбу капли пота. Опасное состояние, что и говорить, в такой момент лучше отойти в сторону и не слушать: когда человек не в себе, ничего хорошего он не скажет. Но никто в сторону от Охотина не отходил, даже верный Денисов (это Василиса Ильинична тоже заметила).

– Что я сделал плохого? – спросил Охотин. – Я хотел одного – провести выпускной вечер. Только выпускной, какое здесь преступление? Почему за это нужно наказывать мою дочь?

Кутепова решила, что директора надо останавливать.

– Не надо психовать, – сказала она, – все свои проблемы вы создали сами.

– Какие проблемы? До вчерашнего дня у меня не было проблем. Это у вас были проблемы, это вы не можете договориться. Почему за это должна отвечать моя дочь?

– Потому что ваша дочь учится в государственной школе, – сказала Кутепова первое пришедшее на ум.

– И что?

– Она должна следовать правилам государства.

– Каким правилам? Отбирать серебряную медаль? Кто определил эти правила?

– Я.

– Почему вы?

– Потому что я представляю государство. – Кутепова встала. – И управляю от его имени. Это мои полномочия.

Насколько знала Василиса Ильинична, слова «мои полномочия» действовали на людей отрезвляюще, а некоторых даже заставляли пятиться. Но Игорь Игоревич (вот дела!) успокаиваться не хотел.

– Вы не управляете, вы разрушаете. И вы не государство, это они государство, которые в школе. Правильно, что они сели к компьютерам и вышли в этот чертов Интернет. И плевали они на ваши полномочия.

«Ничего себе, шпарит родственник», – смотрела на Охотина Ирина Сергеевна.

– Для вас выпускной – мелочь, кому он интересен? Пятнадцать человек, смех на палочке, – не останавливался директор. – Вы о таких выпускных через день забываете. И

здесь бы забыли, да не получится. Они не дадут вам забыть, потому что выпускной – это не мелочь, это их жизнь.

– Смелым стали, Игорь Игоревич? Не рано? – спросила Кутепова.

– Я не смелый, Василиса Ильинична, я бояться устал.

Охотин повернулся к Чичериной.

– Я всю жизнь скрывал правду о том собрании, где тебя исключили. Меня никто не отправлял на курсы. Когда я узнал, что Кутепова хочет провести собрание, я сам попросил, чтоб меня отправили на учебу. Я сбежал, хотя должен был остаться.

Елена Андреевна молчала. Говорить стала Кутепова (все – на улыбочке).

– А я помню, как вы испугались, Игорь Игоревич, и лицо ваше помню. Но тот испуг – баловство, детская забава, теперь вы испугаетесь по-настоящему. – Василиса Ильинична покачала головой («глупые вы, глупые») и обратилась к Гусеву. – Вы говорили о деньгах, которые вам предлагали за разрешение провести выпускной. Другими словами, взятка. Уверена, директор школы имеет к ней прямое отношение. Кто вам ее предложил, Андрей Иванович, конкретно – кто, когда и при каких обстоятельствах? Я слушаю.

Ответ Гусева Василису Ильиничну удивил.

– Я не говорил о взятке, – сказал инспектор.

– Вы говорили о деньгах, – напомнила Кутепова.

– Я не говорил о деньгах.

– Не пытайтесь играть в благородство, есть свидетели ваших слов. Вы обязаны не только сказать, вы обязаны обо всем сообщить в прокуратуру. Иначе придется отвечать по-настоящему.

– Я ничего сообщать не буду, мне никто денег не предлагал.

– Ваше дело, – сухо произнесла Кутепова и повернулась к Денисову. – Вы, Юрий Викторович, слышали о деньгах?

Денисов закашлял.

– Слышали или нет? – повторила вопрос Кутепова.

– Нет.

– Что? – Кутеповой даже стало интересно. – Вы, Юрий Викторович, умом тронулись?

– Я ничего не слышал, – повторил Денисов.

– Так, – повела бровями Кутепова. – Насколько я поняла, здесь никто о деньгах не слышал. Решили пожалеть директора. Он нам поплакался, и мы его пожалели. Но хочу напомнить, прежде всего вам, Юрий Викторович, спектакль, который здесь играют, скоро закончится. Через час мы вернемся в администрацию...

– Чует мое сердце, никуда вы не вернетесь, – произнесла Чичерина. За это время она отошла к окну и теперь смотрела на улицу.

– Это угроза?

– Бог с вами, какая угроза, Василиса Ильинична.

– Тогда объяснитесь.

– По бульвару чешет Вероника Синицына, и не просто чешет, а машет руками.

– Что из этого?

– Когда наша Синицына машет руками, лучше ничего не планировать. Мне кажется, она к вам, Игорь Игоревич.

Охотин подошел к окну и выглянул наружу.

Синицына подбежала к забору. Руки она отпустила, но широкие глаза отчаянно вращались.

– Игорь Игоревич, вам надо срочно в школу, – крикнула она.

– Зачем?

- Они хотят ее поджечь.
- Кто?
- Выпускники.
- Как поджечь?
- Факелом, в знак протеста.

Охотин побледнел.

- Приехали, – произнес Денисов без голоса.

Хватило минуты, чтобы в читальном зале никого, кроме Кутеповой, не осталось. С улицы раздался звук мотора: машина Денисова, оставив у забора Лопатину, рванула к школе. Мозги Василисы Ильиничны работали еще быстрее - сев за стол, Кутепова соображала, кому звонить в первую очередь.

В коридоре раздались шаги.

- Это ты, Денисов? Извиняться будешь?

- Это не Денисов, – услышала она низкий голос и повернула голову.

В дверях стояла учительница информатики Никончук.

- Совещание закончилось, – сообщила Кутепова.

- Я по личному вопросу.

- По личным вопросам я принимаю по пятницам.

- Примите сейчас, спешить некуда.

– Как это некуда? Выпускники собираются поджечь школу, ваша работница только что прибежала.

– Это Вероника. Она все время что-нибудь путает, у нее такая природа. Неужели поверите, что нормальные выпускники подожгут школу, в которой учились десять лет? У них все в порядке, они ждут губернатора. Лучше поговорим о вас.

Было в спокойном голосе Никончук что-то такое, отчего Кутепова насторожилась и потому ничего не сказала.

– Мне позвонила Ольга Охотина, она сейчас в райцентре. Если вы помните, Василиса Ильинична, раньше Ольга работала директором нашего клуба. Она сходила в отдел культуры, и ей по секрету, как старой знакомой, шепнули, что программа пожарной безопасности в районе заморожена до осени. По вашей инициативе с программы сняли деньги. Главы у нас молодые, они вам уступили, а теперь вы боитесь. Вдруг об этом узнают в области? Гусев, он же настырный, выяснит про ваше решение и ляпнет начальству: на программу денег нет, зато в администрации, например, новая машина, иномарочка. Можно попасть под раздачу, так ведь? Потому вы не берете на себя ответственность насчет выпускного, вам не выгодно обострять ситуацию.

– Ошибаетесь, – перебила Кутепова. – Я единственная, кто здесь берет на себя ответственность.

– Нет, не берете, – сказал Никончук. – Вы считаете, ответственность состоит в том, чтобы запрещать и отбирать. А ответственность состоит в том, чтобы разрешать и оставлять.

- Демагогия.

- Я не буду спорить. У меня к вам предложение.

- Какое?

- Вы пишете заявление и уходите на пенсию. С почетом.

- Идиотизм.

- Почему?

- Не вам решать, когда мне идти на пенсию.

– Но я хочу вам помочь. Вы не можете управлять, Василиса Ильинична, у вас и там грешок, и тут грешок. Какая работа, когда кругом грешки? Они же тянут, с ними нормально идти не получается, только по головам.

– Не вам оценивать мою работу.
– Ваша работа мешает людям жить.
– Кому?
– Охотину.
– Правильно, что мешает, с такими, как Охотин, так и надо. И не жалею. Семнадцать лет живу и семнадцать лет не жалею. Вызвала и сказала: «Выступишь на собрании, вылетишь из школы и статью получишь за разврат».

– Почему за разврат?
– Потому что с Чичериной таскался, а ей восемнадцати не было. И примолк ваш Охотин, на курсы удрал. Теперь пусть извиняется, если получится.

«Что же вы без страха-то ничего не можете?» – смотрела на нее Никончук.
– А завтра с этой взяткой буду разбираться. И разберусь, – продолжала Василиса Ильинична.

– А если не было взятки?
– Захочу – будет, – отрезала Кутепова.
Никончук улыбнулась в той же спокойной манере.

– У меня в кармане телефон. Мобильная связь не берет, но есть диктофон. Ольга сказала записать все, что вы станете говорить, потом выложить в Интернете. Я не стала этого делать, это нехорошо, в Интернете и так всякого... Я уверена, вы неглупая женщина, вы уйдете без скандала.

– Не хочу вас слушать.
Кутепова встала.

– Вам не выйти из библиотеки, – сказала Никончук.
– Это почему?
– Лопатина закрыла дверь, чтобы не сбежали. Если губернатор приедет, она обязательно притащит его сюда, чтобы он посмотрел на крышу. Крыша у нас решето, как дождь – прямо беда, в четыре ноги с тазами бегаем. Она хочет, чтобы вы в присутствии губернатора объяснили, почему не ремонтируете.

– Идиотизм.
– Я тоже не одобряю, но разве ее остановишь? Я вот что предлагаю. Если дождь начнется, мы с вами будем тазы выносить. Приедет губернатор – а у нас сухо. А если вам не захочется встречаться с губернатором, у меня есть железный вариант.

Василиса Ильинична не двигалась...

На площадке у школы собирался народ. Люди были одеты празднично, женщины прихватили зонты. На школьное крыльцо выскакивали выпускники и прятались обратно в школу. Люди обсуждали выпускников, качали головами и смотрели на начальство. Директор школы и Денисов выглядели спокойными. Глядя на них, люди тоже не волновались. Точнее, волновались, но это было нормальное волнение - родители всегда волнуются, когда приходят на выпускной. Что касается вопроса, будет выпускной или нет, никто не сомневался – будет, потому что нельзя, чтобы выпускники были, а выпускного не было.

– Конечно, будет, – кивали учителя, успевшие справиться с обедами, грядками и дровами.

– В школе? – спрашивали родители.
– Пока не знаем, – честно отвечали педагоги.
– Губернатор приедет?
– Неизвестно.

Среди народа быстро двигалась глава поселения, она искала Лопатину. Два дня женщина сенокосила за рекой, вымоталась в усмерть. Ей хотелось отдохнуть, а тут такой подарок. От происходящего у женщины голова шла кругом.

Увидев Лопатину, она схватила ее за руку и грозно прошептала:
– Зачем Кутепову закрыла? Выпускай немедленно!
– Ни за что, – победоносно заявила Лопатина.
– Дождешься, Ирка, дадут по башке, – пообещала глава поселения.
– Лишь бы крышу сделали, – не испугалась Ирина Сергеевна.
– Тебе свою крышу надо делать, – сказала глава поселения и постучала пальцем по голове.

В сторонке разговаривали инспектор Гусев и вожатая Синицына.
– Я все перепутала. Лиза показала в окно факел, я подумала, она собирается поджечь школу. Это моя вина. Я насчет факела для спектакля.

– С факелом вы перемудрили, – согласился инспектор.
– Мне хотелось, как лучше.
– Понятно.
– Мне и директор говорил - не надо. У нас очень плохой директор?
– Кто вам сказал?
– Его все ругают.
– Кто «все»?
– Кутепова.
– Мне ваш директор нравится.

Вероника облегченно вздохнула.

– У вас план эвакуации хороший. Можно сказать, образцовый, – добавил Гусев.
– Это я рисовала, – расцвела Вероника.
– Вы молодец. Только лучше, если это будут делать специальные организации...

На другой стороне площадки стояли Денисов и Чичерина.

– С Охотиным давно вместе?
– Все время.
– Он мне не говорил.
– Он об этом не догадывался.
– А собрание? Курсы эти... Простишь?
– Я знала.
– Откуда?
– Знала, и все.
– Женская интуиция? – усмехнулся Денисов.

Чичерина ничего говорить не стала.

Денисов взглянул на директора.

– Охотин у тебя орел...

Игорь Игоревич стоял на школьном крыльце. Подошла Лопатина, сообщила о Кутеповой.

Игорь Игоревич расстегнул пиджак. Спорить не хотелось. И правильно. Ни одна Кутепова на свете не стоит того, чтобы спорить о ней в такой день. Впереди было много трудного и ежедневного: надо было решать с долгами, ехать с Лизой в институт, браться за баню, еще много чего. И главное – Лена. Все это требовало сил и души, тратить их попусту не имело смысла.

На крыльцо вышла Лиза. На голове белели знакомые банты.

– Привет, родственники. Как дела?
– Нормально, – ответил Охотин.
– Как думаете, приедет?
– Губернатор? Может не приехать, – сказал Игорь Игоревич.
– Чего ему не приехать, небось не переработал, – проворчала Лопатина.
– Жаль, если не приедет, я речь написала. Сама, – сообщила Лиза.

– Нам сказали, вы школу собрались поджечь. Синицына увидела тебя с факелом, - сообщил Охотин.

– Мы так, придуривались.

– Когда кабинет мой вскрывали, тоже придуривались?

– Нам был нужен ключ от информатики.

– Кабинет директора вскрывать нельзя.

– Не надо было ключ забирать, тогда бы кабинет не тронули, – вмешалась Лопатина.

– Тебя только, адвоката, не хватало, – проворчал Охотин.

– Она не адвокат, она террористка, – произнес подошедший Денисов. – Вы зачем закрыли Кутепову?

– Пусть денег на крышу дает.

– Это называется шантаж, – сказал Денисов.

– Нас все время шантажируют, можем и мы разок. Еще бы дождь, чтобы с тазами побегала.

– Дождя не будет, – взглянул Охотин на небо.

Денисов продолжал смотреть на Лопатину.

– Уволят, Ирина Сергеевна, и вас, и меня.

– Чего это «увоят»? Еще поборемся, – сказала Лопатина.

Школьная дверь открылась, на улицу высунулась рука и махнула: сюда.

Лиза юркнула в школу. Через минуту выглянула и сообщила:

– Позвонили. Едут.

«Кто?» – хотел узнать Охотин, но не успел: дверь закрылась.

Они стояли на крыльце, смотрели на дорогу и ждали, чья машина появится из-за поворота. Мог приехать глава администрации, мог приехать глава района, могли приехать из Департамента образования и даже из окружения губернатора. Но сам губернатор? Трудно сказать. Потому что действительно забот у губернатора выше головы, и кто знает, какая из них важнее? Эта история о том, как встречали губернатора. А встретили или нет, это решать читателю...

К о н е ц